Глава II

СЕМЬЯ И БРАК

Брак и семья в 1950-е гг.

Образ семьи — достаточно целостное понятие, включающее в себя различные аспекты внутрисемейного поведения и взаимоотношений семьи с внешним миром; в чем-то он реален, в чем-то иллюзорен, то есть состоит из фактов и символов. Позитивный имидж семьи и составляет тот стандарт, по которому индивидуум может оценивать себя и окружающих и который действует как некая модель для подражания.

Стереотип семейной жизни в колониальной Америке долгое время отождествлялся с тем, что видный американский ученый, Уильям Гуд, назвал «классической семьей западной ностальгии»[1]: большая, расширенная семья, в которой много детей и царит гармония, супруги не разводятся, молодые семьи живут рядом с родителями. Именно такую семью описал в своем классическом труде Артур У.Кэлхун в 1920-е гг.[2] Однако исследованиями последних десятилетий, методом реконструкции состава семей, было доказано, что существовавший ранее стереотип не соответствовал реальности. Хотя родня продолжала играть важную роль в поддержке семей, в частности в организации миграций, расселении в новой местности, традиционно служила психологической опорой и финансовой поддержкой в периоды кризиса или нужды, на протяжении всей американской истории большинство американских семей были нуклеарны, а расширенные семьи, включавшие несколько поколений, не составляли более, чем 20% от общего числа.[3] Вообще многие явления института семьи и брака входили в число бытовавших, но не приемлемых с точки зрения нормативов.[4]

Типичная семья, по словам видного американского историка семьи Дж.Демоса, представляла собой «маленькое содружество» (a little commonwealth) и практически не была отделена от общины (community), так как вся жизнь индивидов базировалась на «семейной экономике».[5] «Чужие» семьи нередко предоставляли кров одиноким престарелым, обездоленным, сиротам, соседи одалживали деньги. Женщина воспринималась как партнер, но не равный. Понятия приватности и автономности семьи еще не достигли наивысшей точки развития. Самовыражение индивида, открытое проявление личной привязанности особенно не поощрялись.

К 30-м гг. XIX столетия укрепились новые формы регулирования брачно-семейных отношений, прежде всего, правовые. Члены семьи стали более свободны в проявлении своих чувств, что оказало влияние и на выбор партнера. Как результат индустриальной революции в нарождающемся среднем классе появилась возможность и в каком-то смысле необходимость разделения становящейся все более феминизированной сферы любви и семейного очага и маскулинизированной сферы работы.[6] Неудивительно, что внешняя сбалансированность и взаимозависимость двух совершенно поразному эмоционально окрашенных сфер — дома и работы — обернулась жесткой иерархичностью гендерной структуры в обществе с явным преимуществом в сторону мужчин.[7] Мужчина, работающий за пределами дома и главенствующий над добропорядочной женой и послушными детьми, отвечал за принятие принципиальных решений в семье, а женщина распоряжалась их непосредственным воплощением в жизнь. Он зависел от нее эмоционально, она — скорее материально. Женщины обладали определенной степенью независимости, особенно в девичестве.[8]

Постепенно независимость индивида и проявление заботы об окружающих начали рассматриваться как взаимоисключающие понятия. Зависимость одного человека от другого в американской культуре все больше воспринималась как проявление некоей незрелости, слабости духа, что было допустимым и характерным исключительно для женщин и позорным для мужчин. Чем раньше ребенок, особенно мальчик, становился независимым от матери, тем большее удовлетворение она могла испытывать от плодов своего воспитания.[9] Истинным и уникальным предназначением с точки зрения «культа истинной женственности»было материнство (примечательно, что в викторианскую эпоху беременность никогда не афишировалась). В круг задач женщин входило: умелое управление домашним хозяйством, воспитание сыновей и дочерей в духе

нравственности — именно в этом и заключалось их служение отечеству.[10]

В первой половине XX столетия, как мы уже отмечали, изменился нравственный климат в стране, выросли возможности в области образования, работы и деятельности женщин вне дома вообще (достаточно вспомнить победу суффражисток в борьбе за право голоса). Часть образованных женщин в Америке активно пропагандировала мысли о том, что брак связывает, порабощает женщину и далеко не всегда приносит истинное удовлетворение: как утверждала журналистка и историк Ида Тарбелл, несемейная жизнь и должна была стать ключом к достижению подлинной независимости для женщины.[11] О стремлении женщин следовать этим идеям говорило возросшее число разводов. Другим проявлением желания добиться «своей автономии» и воспринимать себя как полноценного индивида стало пристальное внимание к проблеме контроля рождаемости (которая несколько снизилась), как и то, что материнство постепенно переставало быть основной целью жизни любой женщины. «Викторианская» модель семейных отношений утратила свою привлекательность для большинства представителей среднего класса: общественность и научные круги говорили о глубоком кризисе этого института. Именно в 1920-е гг. в Америке были организованы первые центры, предоставляющие консультации по вопросам брака. В трудах социологов И.Бергесса, Дж.К.Фолсома и других представителей известной чикагской школы социологии и в популярных изданиях для женщин (например, «Лэйдиз Хоум Джорнэл») появились идеи о том, что главенствующую роль в семье прежде всего играют отношения между супругами, их партнерство, дружба (companionship). В противовес старой морали родилась концепция «семьи, основанной на дружбе», в которой мужья и жены — «друзья-любовники», а дети и родители — приятели.[12] Новый идеал любви был сфокусирован на сильном чувстве, взаимопонимании и стремлении развить личностный потенциал друг друга, то есть на «единстве взаимодействующих личностей»[13], что включало в себя и воплощение сексуальных желаний. Однако в реальной жизни общение супругов было далеко от предлагаемого идеала, а женщины продолжали в основном заниматься детьми и поддерживать социальный статус мужа — что стало особенно очевидным после проведения знаменитого исследования семей в небольшом американском городке Миддлтаун учеными-супругами Линч.[14]

Великая Депрессия 1930-х гг., когда многие семьи оказались в бедственном положении, проложила дорогу распространению но-

вой формы семейной организации в среднем классе, заимствованной у менее обеспеченных слоев населения — семье с двумя кормильцами. Занятость женщины в общественном производстве оказалась жизненной необходимостью, хотя норматив поведения попрежнему не приветствовал работу для женщины с маленькими детьми. Молодых одиноких работающих американок массовая попкультура, прежде всего кинематограф, изображали как некий идеал: сильную, автономную, компетентную и ориентированную на карьеру женщину, что в значительной степени способствовало укоренению представлений о гендерном равенстве, хотя и не предлагало приемлемых рецептов удачного брака в рамках равноправия.[15] Поведение женщины зависело от этапа жизненного цикла, увеличился разрыв между добрачным и брачным поведением. По свидетельству одного из опросов 1930-х гг., около ¾ американцев среднего класса выступали за совместное принятие решений в семье; около 80% полагали, что в том случае, если муж оказывается без работы, жене надлежит содержать семью. Это вполне уживалось с представлениями, что работающий муж должен обязательно зарабатывать больше и что жена обязана бросить работу, если он того требует. Подчас семьи не выдерживали порожденного экономическим кризисом стресса и фактически распадались, при этом развод далеко не всегда оформлялся юридически. Несмотря на попытки государства помочь семьям в рамках Нового курса Рузвельта, брачность и рождаемость достигли рекордно низких показателей.

Во время второй мировой войны был порыв стремительно заключать браки перед уходом на фронт (ведь всего 9% в то время полагали, что одинокий человек может быть счастлив[16]). Работа женщин на благо страны и победы, весьма приветствовалась, но воспринималась как явление временное, им постоянно напоминали о том, что они не должны забывать своего истинного предназначения — ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. Гендерные стереотипы снова качнулись в сторону жесткого разделения сфер. Сильнее стали звучать призывы к женщинам пренебречь собственными интересами и сконцентрироваться на нуждах и требованиях мужчин, а также всячески демонстрировать им свое подчинение и желание быть руководимой и ведомой. Получение образования было направлено на то, чтобы стать высококвалифицированными домохозяйками и матерями. Как и мужчины, женщины мечтали о спокойствии и стабильности, которые могли быть обретены после войны в мирной обстановке и только в семье.

Парадоксальным образом наметилось некоторое нарушение или во всяком случае приостановка долгосрочной и глобальной тенденции, суть которой сводилась к тому, что статус женщины становился более индивидуализированным, по крайней мере в рамках самой семьи, расширялась сфера ее компетенции, а отказ от следования общепринятым на данный момент нормам и стереотипам, хотя и воспринимался как вызов обществу, но все же завоевывал свое место в жизненной философии американцев. Так была проторена дорога к одному из самых необычных (и, кстати, непредсказанных) периодов в истории семьи США — бэби-буму, с которым большинство и по сей день связывает имидж традиционной семьи белого среднего класса Америки. Его основы были удачно формулированы известным американским исследователем К.Лашем[17]: любовь, а также защита от внешнего бессердечного мира, который ассоциируется с отцом, а теплота и нежность — воплощены в матери. Семья — место для проявления интимных чувств, любви, доверия. Традиционная модель подразумевает четко разграниченные роли, ожидания, обязанности, сферы деятельности и влияния мужа-кормильца и жены — хранительницы очага, воспитывающей детей и отвечающей за эмоциональную поддержку мужа, сохранение связей с родственниками и друзьями. Принципиально важна «приватность» семьи, ее изолированность, обеспечивающаяся нуклеарностью и автономностью.[18] В семье акцент сделан на сотрудничестве, кооперации, а не конкуренции, то есть жизнь подчиняется законам долга и нравственности, а не договорным отношениям. Семья — некая самоцель, в ней родители должны жертвовать своими интересами ради детей, жена — подчинять свои желания мужу, он — воспринимать тяготы работы, если она хорошо оплачивается, как должное во имя семьи.

В последнее время все больше американских ученых[19] приходят к выводу, что идеал «традиционной семьи» являет собой некую амальгамму ценностей, моделей поведения и структур, которые никогда не существовали в реальности в одно и то же время в одном и том же месте. Поэтому желание вернуть или навсегда отвергнуть этот идеал едва ли совместимо с признанием разнообразия форм брачно-семейных отношений не только в современной Америке, но и в историческом прошлом. В 1950-е гг. традиционная модель семейных отношений достигла своего апогея с точки зрения распространенности и, главное, нормативности и представлялась наиболее функциональной. Большинство ученых и общественно-политических деятелей этого периода горячо поддерживали идею крупного

социолога Т.Парсонса, что для нормального функционирования семьи в развитом капиталистическом обществе совершенно необходимы «инструментальный» отец и «экспрессивная» мать.[20] Понятие успеха, первостепенная инструментальная ценность для американцев, предполагали индивидуальные достижения в обретении личной власти, материального достатка или статуса, которые были немыслимы вовне семьи и должны были явиться в виде нравственного и социально-санкционированного вложения в американское общество. Среди причин бэби-бума, о которых продолжают спорить исследователи, называют: последствия экономической депрессии 1930-х гг., экономический взлет и благоприятную ситуацию на рынке рабочей силы во время и после войны, массовое строительство дорог и пригородных домов для среднего класса, располагающих к жизни по указанной модели, демографическую динамику и др.

Если спросить любого американца, чем были примечательны 1950-е гг., немедленно будет указано движение населения в пригороды (suburbs). К 1960-ому г. там жило столько же американцев, сколько в городах: 64% прироста населения в этот период пришелся именно на пригороды[21]; 85% новых домов было построено именно в пригородах[22], а за период 1946–1960 годов было возведено 15 миллионов домов. Первый из городков, вырастающих чуть ли не за год в новой или заселенной местности, — Левиттаун, ставший символом «новой» жизни (вообще стало очень важным, чтобы все было новым — дом, машина и пр.). Наиболее распространенным архитектурным стилем для застройки пригородов в то время были одноэтажные дома в стиле ранчо, недорогие, удобные по планировке, позволяющие матерям присматривать за детьми и одновременно заниматься приготовлением пищи. Многие молодые семьи прибегали к займам на жилищное строительство (при низких процентах), субсидирование образования. Так что самодостаточность семей в 1950-е гг. была не меньшим мифом, чем идея их абсолютной самостоятельности и в ранние периоды американской истории. Развивая с 1930-х гг. систему социального обеспечения, государство отрицало полную дистанцированность семьи от общественной сферы, признавая существование тех социально-экономических и демографических тенденций, которые приводят к образованию семей, не способных функционировать в полной мере самостоятельно. Тем не менее есть ряд авторов[23], считающих, что зависимость от государства, то есть от его социальных программ, лишь воспроизводит порочную зависимость неимущих слоев, используют именно

модель традиционной семьи 1950-х как один из ключевых аргументов в защиту идеи невмешательства государства в личную сферу.

Страна «сабербиа» (suburbs) определила стиль жизни, предельно сконцентрированный на нуклеарной семье. Это было время, когда сбывалась американская мечта для численно небольшого поколения, пережившего Великую Депрессию и войну и вступившего с менталитетом скудости в эпоху «экономики изобилия», — экономический успех, признание в обществе, респектабельность и стабильная семейная жизнь. Послевоенный экономический рост, НТР, принципиальные сдвиги на рынке рабочей силы, развитие сферы услуг открыли колоссальные возможности для мужчин в плане поиска работы и продвижения вверх. Несмотря на идеологические препятствия, в гендерной структуре рабочей силы произошли изменения именно в период господства «этики прокреации»: с 25% до 40% увеличилось число работающих матерей с детьми, в основном, работу искали женщины старше 35 лет. Время для их более молодых соотечественниц наступило в 1960-х гг.[24] Высшее образование в колледже почти однозначно предполагало хорошо оплачиваемую работу для мужчины. Женщина как бы «приобщалась» к независимости и самостоятельности мужа посредством того, что хранила его домашний очаг.

В 1950-е гг. практически универсальной была точка зрения, что именно брак превращает женщину в личность: если она ориентирована на карьеру и успех в деле, а соответственно и продолжение образования, то она неминуемо потеряет женственность.[25] Женщинам предписывалось выбирать карьеру жены и матери, поскольку, как отмечал Э.Гувер, директор ФБР, «ничто не было важнее этого».[26] Американцы эпохи бэби-бума могли оправдать желание женщины работать в том случае, если это облегчило бы ей и ее суженому возможность быстрее заключить брак и создать семью, или если это приносило принципиально важный дополнительный доход и не подрывало авторитет главного кормильца. В отличие от предыдущего века, материнство не должно было затмевать или ослаблять любовь жены к мужу, скорее считалось, что он оставался первоочередной ценностью в ее жизни.[27]

Для мужчин любовь являла собой «таинственную и иррациональную силу, которую едва ли можно было примирить с их вполне рациональным, стабильным существованием».[28] Для женщин, напротив, как ни парадоксально, любовь, кульминацией которой становился брак, могла представлять собой вполне рациональный выбор, продукт трезвого расчета, направленного на то, чтобы

получить доступ к тому, кто олицетворял внешний, полный опасности мир. Соответственно, полюбить для женщины, не означало утерять контроль над своими эмоциями, которые ей представлялись не столь загадочными, как для мужчин.[29]

Кстати, изучать сам феномен любви американцы начали сравнительно недавно.[30] Ряд исследователей выделяют следующие формы этого чувства: страстную влюбленность (infatuation — нереалистичная идеализация одного человека другим, при котором индивидуумы не обязательно общаются друг с другом); романтическую любовь (romantic love — уверенность в том, что лишь одна душа создана для другой; идеализация возлюбленного) и зрелую любовь (mature love — взаимодействие между двумя эмоционально зрелыми людьми, отношения которых построены на творческом подходе, взаимном уважении и эротической гармонии).[31] Последняя форма любви предполагает открытое, честное общение, любовь и уважение к себе и партнеру, умеренность, сбалансированность. Зрелая любовь означает, что люди ощущают комфорт и удовольствие в присутствии друг друга: ведь значительно сложнее жить с человеком, чем просто боготворить его. Романтический же миф о любви рисует день бракосочетания как апогей чувств и счастья, не оставляя, таким образом, места для будущего зрелого и разумного общения. «Если люди женятся на основе романтической любви и имеют детей, то подобное чувство может стать разрушительным».[32]

Таким образом существовавшие противоречия в моделях поведения могли легко ввести в заблуждение молодых американцев. Их смешанные чувства по отношению к феномену любви были названы исследователем Р.Дж.Левиным в качестве основной причины того, что с 1957 г. начало сокращаться число браков, заключаемых в раннем возрасте: «романтика и реализм вот уже на протяжении 50 лет находятся в состоянии войны».[33] В течение долгого времени, как признает большинство американских ученых, в американской (и западной) философии утверждалось, что именно любовь должна быть основой, самой главной составляющей любого брака, и отсутствовало признание его иных, не менее существенных компонентов. Р.Блад и Д.Вульф писали в своей классической работе 1960 г. «Мужья и жены: динамика супружеской жизни»[34], что согласно мнению большинства американцев, люди должны жениться только по любви и оставаться в браке только в том случае, если сохраняется любовь. Это заключение выразило неразрешимое противоречие между стремлением к романтике и практическим отсутствием бракоразводных процессов и позволило авторам прийти к заключению,

что в сравнении с некоторыми другими народами, американцы — «неизлечимые романтики, очень преданные идее важности чувства и нежелающие соглашаться с чем-либо менее идеалистичным».[35] В середине 1960-х гг. на вопрос, что должно составлять основу брака, 40% опрошенных охарактеризовали любовь как сильное чувство влечения, (правда 20% сделали акцент на дружбе и 20% на совместимости), а также стремление духовно обогащать друг друга.[36]

В противовес романтической любви, которая подчас являлась причиной неадекватных оценок потенциальных партнеров, другой ученый, Дж.Лагерман опираясь на Г.Салливана, основателя Вашингтонской школы психиатрии, предложил более реалистическое определение любви как того состояния, «когда удовлетворенность степенью защищенности другого человека становится столь же важной, сколь и удовлетворенность степенью собственной защищенности (security)».[37] Концепция романтической любви подвергалась критике известным антропологом М.Мид, которая усматривала в ней серьезную угрозу стабильному и счастливому браку. Опасность коренилась в мифах о магической силе любви, способной разрешить любые проблемы, о том, что жизнь без любимого человека невыносима и бессмысленна (что, в частности, поддерживалось кинофильмами). Мид полагала, что в американской концепции романтической любви больший акцент сделан на том, чтобы быть любимым, а не любить. Будучи эмоционально незрелыми индивидуумами, романтики склонны воспринимать любовь как нечто крайне экзальтированное.

Нереалистичность ожиданий молодых людей от брака беспокоила специалистов по брачно-семейным отношениям. В своей работе «Миражи брака» Дж.Ледерер и Д.Д.Джэксон утверждали, что американцы достаточно безрассудно подходили к проблеме создания семьи по ряду причин: у большинства установки и ценностные ориентации были сформированы исключительно под давлением родителей, либо брак заключался из-за ощущения одиночества, ради финансовых соображений и т.п. Другим вредным элементом в мотивах заключения брака являлась жертвенность и романтика, которая, как писали авторы, далеко не так необходима для того, чтобы отношения удовлетворяли обоих партнеров. Ледерер и Джэксон указывали, что еще одним мифом американцев было убеждение, что появление детей в молодой семье и вообще создание семьи во имя детей может улучшить отношения супругов, что после вступления в брак и рождения детей они смогут также свободно распоряжаться своим временем, «выходить в свет». Многие надеялись на

то, что смогут изменить партнера. Тот факт, что статья авторов с изложением содержания их книги была опубликована в журнале Ladies Home Journal, рассчитанном прежде всего на низший средний класс, позволяет предположить, что среди более обеспеченных слоев населения эти взгляды к тому времени уже нашли поддержку. Судя по исследованию, проведенному другим ученым, Дж.Ларсоном, молодые американцы верили в несколько мифов: о первостепенном значении сексуальной жизни для общей удовлетворенности браком, о прямой зависимости между сексуальными отношениями до свадьбы и качеством семейных отношений, о том, что чем больше партнер раскрывается в браке, как в позитивном так и в негативном плане, тем лучше отношения у супругов, что ключом для счастья в семье на протяжении всей жизни должна быть романтическая любовь. Женщины (что подтвердили многие более поздние исследования) были более реалистично настроены относительно брака.[38]

Внутренняя подготовленность к браку могла быть не велика, ведь очень большую роль в решении о вступлении в брак играли ожидания общества и семьи, то есть молодые люди и, в особенности женщины, как бы подводились окружающими к тому моменту, когда следовало бы всерьез подумать о создании семьи. Но отношение к ранним бракам между студентами было не совсем однозначным.[39] С одной стороны, молодые женщины в тот момент были настолько ориентированы на семью, что их адаптивные способности к принципиальной перемене в образе жизни должны были быть достаточно высокими, а одним из преимуществ студенческого брака считалось улучшение успеваемости. К тому же это могло означать более быстрый и в чем-то безболезненный переход в мир взрослых в тот момент, когда еще не так остро стоят вопросы конкуренции, стресса, получаемого на работе, проблемы респектабельности и социального престижа. С другой стороны, немало американцев выступали против того, чтобы рисковать обучением в колледже или же лишать себя возможности «пожить в свое удовольствие». Родители, не будучи открыто против брака, предпочли бы, чтобы их дети (в особенности, сыновья) вначале получили высшее образование без дополнительных осложнений. Так что даже в это исключительно «про-семейное» время большинство американцев исповедовали принцип — «всему свое время».

Родители не должны были помогать молодой паре в финансовом отношении, так как это, по мнению таких именитых экспертов, как, например, М.Мид, лишало бы мужчину возможности почувствовать себя ответственным за семью, и он бы ощущал себя непол-

ноценным, а брак становился ничем иным, как согласием родителей на сексуальные отношения. Родители стремились помочь молодым стать независимыми и ограничивались эмоциональной поддержкой и небольшим вкладом в оплату обучения, если молодые еще учились в колледже.

* * *

Залогом успеха американских браков была необычайная степень единения (togetherness — труднопереводимый на русский язык термин, означающий ощущение того, что люди вместе)[40], расхожим стереотипом которого была следующая картина: муж, возвращающийся вечером с работы, жена, радостно его встречающая, прекрасно выглядящая, потом вместе с детьми они обедают на заднем дворике собственного, уютного и красивого дома. Другими факторами успешных браков считались финансовая защищенность, эмоциональная зрелость и стабильность в плане работы.

В XIX столетии женщины среднего класса нередко предоставляли право вести хозяйство прислуге, теперь они должны были сами с удовольствием и рвением заниматься бытом и воспринимать «работу по дому как среду для реализации своей женственности и индивидуальности»[41] и достижения совершенного результата: будь то безупречная чистота в доме или же вкусный пирог на столе, без какой-либо поддержки со стороны. Растущая географическая и эмоциональная изолированность американских семей предъявляла новые требования к браку.

Историк Элайн Мэй писала, что «легендарная семья 1950-х не была, как гласит расхожая точка зрения, последней попыткой ухватиться за «традиционную семейную жизнь» с глубокими корнями в прошлом[42], так как к началу интересующего нас периода решающую победу одержала форма степенной жизни, предполагающая достаточно причудливое сочетание. Провозглашенное на уровне массового сознания «партнерство двух сфер — домашней и общественной» вовсе не означало реального равенства между полами, а предполагало четкое разделение функций, иерархию, а следовательно, умение со стороны женщины как можно лучше приспособить свои ожидания к требованиям мужа и сконцентрироваться на обеспечении ему оптимальных условий существования.[43]

Самоидентификация и самоуважение обоих полов напрямую зависели от четко определенного статуса в обществе. Муж обычно был лучше образован, хотя для женщины возможность найти достойную пару очень тесно увязывалась с поступлением девочки в

хороший колледж, о чем беспокоились многие родители.[44] Но молодым женщинам из менее обеспеченных семей, как свидетельствовали наши респондентки, бывало нелегко убедить своих родителей, особенно отцов, в том, что они хотели бы получить образование.[45] Так одна из наших респонденток была единственной дочерью (из четверых), которой отец дозволил поступить в колледж, в основном благодаря заступничеству старших братьев. Интеллектуальный уровень развития жены должен был поддерживать мужа в его профессиональных начинаниях и организации социальной стороны жизни, создавать образ привлекательной хозяйки дома, непосредственно участвующей в делах или карьере мужа (но лишь до известной степени).

Случаи доминирования женщин в доме воспринимались учеными и общественностью как прямая угроза американскому благоденствию, подрывавшая демократические устои и открывавшая дорогу тлетворному коммунистическому влиянию, так как извращалось представление о мужественности. Именно правильно воспитанные американские мужчины и были призваны дать отпор коммунизму, так как лишь прочная семья с правильным распределением ролей между мужчиной и женщиной могла спасти Америку от «красной угрозы». Расцвет идеологии «домашнего очага», «доктрины сдерживания на домашнем фронте», предполагал сдерживание женской сексуальности как порочной (что напоминало о викторианской эпохе). Противоречивой являлась установка на то, что для достижения успеха в браке женщине рекомендовалось не только освободиться от сдерживающих «викторианских» стандартов, но и проявлять определенную (в рамках) инициативу для достижения сексуальной гармонии.

Специфический нравственный и идеологический климат: отрицание урбанистической культуры, НТР, страх перед неизвестностью (угроза коммунизма внутри страны и ядерная угроза, следовательно, антикоммунизм и холодная война) порождал колоссальное желание обрести стабильность, не ущемляя принципов индивидуальной независимости и самостоятельности, и стал причиной феномена бэби-бума.[46] Семья и дом, полные уюта, гармонии, представляли «убежище» от внешнего мира и внутренних сомнений, как бы психологическую крепость и законное вознаграждение за работу, успех независимого человека, который «сделал себя сам», благодаря самоконтролю, неутомимому труду, сильному характеру и использованию неограниченных возможностей. Как сказал один из наших респондентов, Америка чувствовала себя на коне после

войны и махнула рукой на весь окружающий мир. А для этого дома должно было быть все идеально. Менее, чем 10% американцев в то время полагали, что несемейный человек вообще может быть счастлив, и утверждали, что они лично не пожертвовали ничем, вступив в брак.[47] Для большинства американцев семья превратилась в наиболее яркий символ только что обретенного процветания, которое могло показаться чудом: дом, семья считались неотъемлемыми элементами счастья и положительного самоощущения. В 1950-е гг. выросла мобильность населения (примерно половина населения постоянно переезжала — семья, у которой хорошо шли дела, меняла место жительства в среднем каждые три года) и степень независимости взрослых детей. Жизнь семей характеризовалась изолированностью и ощущением временности происходящего. Большинство американцев по-прежнему ощущали и проявляли желание быть частью определенного социума — соседей, друзей, тем более что они оказались вырванными из привычной, часто этнически им близкой, среды, прерывались связи с прошлым (не случайно выросла посещаемость церкви). Сохранение этнических традиций, по воспоминаниям наших респондентов, не приветствовалось. Многие расовые, этнические, социальные и возрастные различия казались стертыми в едином порыве прокреации. Пригороды строились скорее по финансовому, а не этническому признаку, (в отличие от городских районов) и, в известном смысле, пригороды превратились в новый плавильный котел Америки. Наиболее престижными считались те из них, которые существовали и раньше и предназначались для зажиточных представителей среднего класса. Респектабельность понималась как экономическое продвижение и обеспечение хорошего воспитания и образования детям. Очень многое зависело от того внешнего благоприятного впечатления, которое производила семья. Образ безмятежной, благополучной жизни, сконцентрированной вокруг семьи, отличался поразительной гомогенностью. Поиск разнообразия превратился в идею фикс на общенациональном уровне 1960–1970-е гг.[48]

Преследование личных целей все еще должно было быть обязательно полезным обществу. Индивидуализм еще не являлся самоцелью, а был способом существования и средством достижения успеха, а конформизм был возведен в ранг одного из ведущих жизненных принципов. Но общение между соседями, родственниками, друзьями стало менее формализованным: молодые родители обменивались опытом, детскими вещами и т.д. Те, кто испытывал сложности, могли обратиться к бесчисленным пособиям по психологии, неред-

ко сомнительного толка. По воспоминаниям современников, появление разведенной женщины в пригороде вызывало бурную реакцию, обычно, негативную. Приглашая соседок на чай или разнося «кулинарные достижения» по домам — лучший способ познакомиться или зарекомендовать себя, нужно было уверить всех в том, что твой собственный дом соответствует идеалу: детей, вернувшихся из школы, ждут печенье и молоко, мужа — вкусный ужин и пр.

Приобретение материальных ценностей стало еще одним способом самореализации. Логика консьюмеризма невольно подталкивает людей к мысли о том, что все (и отношения, и любовь) можно «купить» — важно только делать это в правильном месте. «Экспансия материализма» во многом размывала традиционные и прежде необыкновенно важные американские ценности: этику труда, самоограничение, участие в благотворительной, деятельности. Причиной, а в чем-то и следствием глобальных изменений в структуре потребления на всех его уровнях (материальные символы успеха — собственный дом, с большим комфортом для каждого члена семьи, приобретение бытовой техники, автомобилей, телевизора) стал собственно демографический взрыв.[49] Поначалу гедонизм и материализм вполне гармонично уживались с представлениями о целостности семьи, а потребление начало отождествляться со свободой и даже патриотизмом.[50] Именно ошеломляющие темпы роста рекламы привели к тому, что самое многочисленное поколение Америки — дети бэби-бума были буквально завоеваны рекламодателями и таким образом вышли из-под контроля родителей, несмотря на всю ориентированность последних на социализацию потомства.

Итак, характерными демографическими тенденциями того времени до их пика в 1957 г. стали снижение среднего возраста вступления в брак, сокращение числа разводов и резкое увеличение рождаемости, поскольку практически все представители среднего класса, с которым связывают, в первую очередь, бэби-бум, считали, что именно родительство являлось прямой дорогой к счастью. Семья 1950-х должна была являть средоточие всего верного и хорошего: сексуальную гармонию, хорошо воспитанных и адаптированных детей, материальный достаток и ощущение личного успеха как для мужчины, так и для женщины.

* * *

Тиражируя идеи консьюмеризма и став мостиком между частной

и общественной жизнью, телевидение сыграло огромную роль в компенсации образовавшегося вакуума общения. Классическими примерами массового преподнесения эталонов поведения могут послужить короткие ситуационные «домашние» комедии — один из самых долговечных форматов на телевидении (Leave It to Beaver, My Three Sons, I Love Lucy, Father Knows Best, The Adventures of Ozzie and Harriet, Donna Reed и др.)[51] У зрителя был небольшой выбор (3–5, а не 30 каналов как сегодня), поэтому значимость каждой передачи увеличивалась. Они были тем магнитом, благодаря которому в семье было легче почувствовать себя вместе (togetherness).[52] ТВ-семьи 1950–1960-х гг. неминуемо отличались прочностью, а тот факт, что в комедийных шоу женщины, как правило, «объединялись» друг с другом «против» мужчин воспринимался не иначе как шутка. Муж и жена жили в гармонии и согласии. Женщины были более чем удовлетворены своей ролью хранительницы домашнего очага. Власть либо более или менее явно принадлежала мужу, либо же распределялась между супругами в как бы эгалитарной манере.[53] Домохозяйка представлялась опрятной, с великолепной прической, стройной фигурой, в накрахмаленном фартуке, весь день потратившей на то, чтобы в доме сверкали окна и пол (правда, непосредственно ее показывали за приготовлением еды). Встречая мужа с работы, она восклицала с очаровательной улыбкой: «О, милый, вот твои любимые домашние тапочки!» Далее муж-папа «председательствовал» за обеденным столом, рядом находилась верная и аккуратная мама (trim and prim). Сыновья (один из многочисленных детей обязательно должен был быть мальчиком) делали слабые попытки утвердить свою независимость и шалили, а очаровательные дочки были «принцессами» и «котеночками» — вечными маленькими любимицами отцов. Родители представали в образе неких рациональных и мудрых суперлюдей, которые всегда могут разрешить любые проблемы.[54] Телерекламы изображали женщину в качестве «приложения» к мужчинам, зависимую от них, подчиняющуюся им, всецело занятую выполнением функции домашних хозяек, а около 17% рекламы, по наблюдениям исследовательницы Г.Тучман, представляли женщин и вовсе в качестве глупых сексуальных объектов.[55]

Парадоксы семейной модели 1950-х и пути их разрешения в 1960–1970-х.

Ощущение оптимизма усиливалось с ростом реальных доходов белых американцев, отчасти благодаря эффективности правительственных программ, поддерживающих экономическую и географическую мобильность населения. К началу 1960-х гг. более 70% семей соответствовали нормативному образу, навязываемому поп-культурой, СМИ и социологами. Но становилось все более очевидным, что имидж стабильного, ответственного, зрелого мужчины, которые принял бы на себя обязательства обеспечивать свою семью, и женщины, пожертвовавшей своей индивидуальностью ради блага семьи, более не отвечал запросам американцев. Кстати, тот же Т.Парсонс подмечал, что предпочтительные модели поведения, которые предписывались молодежи в 1950-е гг., были скорее продуктом «желаемых конструкций», создаваемых людьми, уже вышедшими из молодого возраста. Одна из причин переоценки культурных ценностей — кризис маскулинности, заключавшийся в нереальности сочетания роли добропорядочного кормильца и семьянина и мужчины — мужественного, уверенного в себе героя-«одинокого волка», всегда к чему-то стремящегося и всего добивающегося. Американские отцы оказывались слишком дистанцированными от своих детей и не могли обеспечивать внешне мягкую, спокойную, в то же время решительную, сильную и жесткую родительскую власть. Мужчине, занимающему должность «белого воротничка» было нелегко чувствовать себя комфортно на бюрократической работе и отвечать эмоциональным запросам со стороны жены, которая, в свою очередь, была уставшей и раздраженной от бесконечных забот по дому и невозможности реализоваться как-то еще. Самоощущения американок, целиком посвятивших себя семье и детям, были весьма далеки от столь активно пропагандировавшегося идеального образа, что подтверждается как опросами общественного мнения, так и данными психологов и психиатров. Модель семейного счастья 1950-х гг. подразумевала гораздо большую степень адаптации со стороны женщины. «Доктрина сдерживания на домашнем фронте» порождала колоссальное чувство неудовлетворенности среди женщин, в массе своей подверженных стрессу. Именно эту неудовлетворенность и удалось выразить Бетти Фридан в ее бестселлере «Тайна женственности». Она справедливо отмечала, что женщины среднего класса оказались в плену « ошибочных идей и неверно интерпретированных фактов, полуправды и отсутствия реальных возможностей выбора»[56], что и составляло ту

самую, по выражению Фридан, «проблему без названия», которая вынуждала женщин чувствовать себя неполноценными, принимать транквилизаторы, злоупотреблять алкоголем. Принципиально важно и то, что роль домохозяйки не пользовалась, при всей риторике о культе дома, достаточным уважением в обществе. Замужние женщины страдали от ощущения ненужности, бесполезности, усталости, непонимания со стороны мужа, детей, хотя и не помышляли о расторжении брака, боясь оказаться в вакууме после развода. Феноменальным было именно осознание неизбежности, несмотря ни на что, оставаться в неудачном браке. Это объясняет несколько завышенные оценки собственного брака, нежелание выносить проблемы за пределы семьи. Об этом говорили и некоторые наши респонденты — опять же ссылаясь не на свой опыт, а на жизненные истории знакомых, что отражает мотивы 1950-х гг., когда никто не должен был быть неудачником.

Попытка обрести комфортную жизнь в строго заданных рамках соответствия нормам и одновременное провозглашение свободы выбора в обществе и демократии в семье вошли в неразрешимое противоречие. Первыми это почувствовали молодые американцы, подростки, которые привыкнув к благополучию, но одновременно мечтая стать другими, непохожими на мещан-родителей, невольно начали обращать внимание на негативные стороны «американской мечты». Их раздражало соглашательство обывателей среднего класса, их равнодушие к судьбам менее благополучных американцев. В 1950-е гг. те, кто каким-то образом выделялись из общепризнанной схемы, считались незрелыми, инфантильными, даже душевнобольными людьми, что нередко приводило к ханжеству, лицемерию в отношениях между людьми.[57] Семья перестала быть непререкаемым авторитетом для молодежи, в то время как тон все больше задавали сверстники, массовая культура. Даже те молодые американцы, которые не стали настоящими «детьми цветов» или хиппи[58], выражали свой протест — кто-то временно уезжал из дома и принимал участия в различных сборах и акциях молодежи, кто-то демонстрировал свое несогласие через потребление — покупая и используя вещи, которые шокировали старшее поколение. Конфликт поколений (для многих безусловно обостренный разницей в образовательном уровне) обострился не столько в реальном поведении (исследования общественного мнения как раз свидетельствовали об относительном консенсусе), сколько в изображении масс медиа, быстро подхвативших тему, которая интересовала подрастающее поколение. Маргарет Мид теперь писала о кризисе лично-

сти, вызванном тем, что даже в самых стабильных семьях, мать и жена на определенном этапе начинает осознавать то, что муж и дети не могут помочь реализовать весь ее потенциал, что и приводит к поиску иных форм самовыражения.[59] Она критиковала американскую культуру за превышение требований: одновременно быть агрессивным в достижении цели и подавлять эту агрессию.

Постепенно неравенство полов, предписывающее женщине одну лишь роль, перестало устраивать американских женщин. Воспоминания наших респондентов 1960-х свидетельствуют, что некоторые представительницы среднего класса, попав в колледж, начинали менять свои взгляды, задумываясь о месте и предназначении женщины в мире и об отношениях с противоположным полом. По их словам, и тогда уже были мужчины, считающие, что жена не должна сводить свою жизнь лишь к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Если в 1964 г. 44% первокурсниц колледжей в качестве первоочередной личной цели ставили дом и семью, то спустя 10 лет их осталось всего 20%.[60] В 1960 г. состоялась учредительная конференция Национальной Организации Женщин (NOW). В 1961 г. прошла первая массовая демонстрация американских домохозяек за мир. В 1963 г. был показан телевизионный документальный фильм о домохозяйке, чувствовавшей себя в ловушке. Из анализа женских журналов начала 1960-х гг. следует, что уже тогда существовала концепция личностного развития человека и любви. До этого американская исследовательница Х.Френцва выделила четыре роли для женщин, наиболее часто встречающиеся в журналах Лэйдиз Хоум Джорнэл, Макколзб Гуд Хаускипинг: «одинокая, в поиске мужчины», «мать-домохозяйка», «синий чулок», «вдова или разведенная, снова собирающаяся замуж». Все эти роли определялись отсутствием или присутствием мужчины в жизни женщины. Успех в карьере невыгодно оттенялся неудачной личной жизнью.[61] В американской массовой культуре существовали, таким образом, свои «три К» (Cooking, Cleaning and Caring — «готовить, мыть, заботиться»).

С конца 1960-х гг. в тематике женских журналов, предназначенных для читательниц среднего и высшего среднего класса, начинается сдвиг в сторону изображения жизни женщины на работе и в обществе. Это выразилось в появлении целого ряда новых публикаций: например наряду с традиционной рубрикой «История молодой матери», в которой женщины делились опытом в воспитании детей и где всячески прославлялось материнство, была включена «История молодой женщины», в которой речь шла о впечатлениях и

переживаниях (причем не только отрицательных, но и положительных) работающих женщин. Семейный журнал Рэдбук создал рубрику «Почему молодые матери ощущают себя пленницами», получив в ответ 24 тысячи писем от американок.[62] В отличие от образа сильной женщины 1930-х гг. и хорошей женщины 1950-х американки начали ощущать себя и восприниматься окружающими как жертвы.

К концу 1960-х гг. тысячи молодых активистов, как мужчин, так и женщин, после всплеска борьбы за гражданские права афроамериканцев, направили свои усилия на протест против войны во Вьетнаме и идеологии гендерного неравенства. Набирала силу и становилась все более обособленной (как реакция на мещанские идеалы) молодежная культура. Согласно ее заповедям необходимо было продемонстрировать свою отчужденность от остальной части общества, исповедовать принцип отсутствия обязательств, нонконформизм. В отличие от своих родителей, ориентированных на стабильность и ощущение безопасности, новое поколение в основу своей идеологии положило риск, желание экспериментировать, не быть «как все», отрицать старое и искать новое.[63]

Прежняя организация семьи, общины, гендерных отношений (когда муж и жена должны были и могли получать в браке значительно больше за счет экономических условий и социально-культурного климата в обществе, чем оставшись в одиночестве) покоилась на условиях работы, заработной платы и возможности приобретения жилья, которые просто исчезли к 1970-м гг. В 1970-е гг. молодые американцы из среднего класса, столкнулись с инфляцией и безработицей, все меньше и меньше могли рассчитывать на стабильный и существенный рост доходов в течение последующих 10–15 лет (а, как оказалось, 20 лет). В зажиточных семьях среднего класса наличие второго заработка было по-прежнему не столь принципиально с точки зрения выживания семьи, но давало возможность достичь более высокого уровня жизни и поддерживать его, чтобы не оказаться за пределами среды. А многие семьи среднего класса просто не могли более поддерживать определенные стандарты без второго заработка.

Феминизм возник не на пустом месте и предвосхитил дальнейшие изменения в поведении женщин и, позже, мужчин. Как ни парадоксально, вовлечение женщин в сферу общественного производства совпало с взрывом рождаемости, апогеем культа принадлежности женщины семье.[64] Поэтому гендерные нормы не поспевали за изменениями на рынке труда, то есть вовлечением женщин в массовое производство[65] и спадом производства. Широко-

масштабное внедрение оральных контрацептивов, начиная с 1962 г., и изменения в пропорциональном соотношении мужчин (сокращении их числа) и женщин брачного возраста также не могли не повлиять на полоролевые отношения.[66] Самосознание женщин менялось далеко не так быстро, как то пытаются представить некоторые специалисты: так, в конце 1960-х гг. большинство женщин с высшим образованием намеревались бросить работу после рождения ребенка и не возвращаться к ней до того момента, пока не вырастет младший из детей. Именно такая судьба была характерной для многих наших респонденток, которые растили детей в 1960-е гг. — хотя некоторые из них разделяли новые веяния, но лишь на теоретическом уровне. Иногда осознание неудовлетворенности своей ролью домохозяйки приходило постепенно, частично за счет собственного опыта, частично под влиянием атмосферы в обществе — и женщина начинала работать опять же, когда дети подрастали или по крайней мере шли в школу. Пока еще большинство мужчин и женщин были согласны с тем, что жена и мать должна идти на компромиссы, чтобы меньше страдали дети (чуть больше половины американцев были тогда уверены в том, что дошкольники страдают от того, что их матери работают).[67] Но все увереннее звучала и альтернативная точка зрения — факт занятости матери не наносит никакого ущерба детям. Скорее неблагоприятная экономическая ситуация начала 1970-х гг., а не плоды феминизма вынудили этих женщин изменить свои приоритеты и выйти на работу, которая превратилась из возможности выбирать свой путь в необходимость. К началу 1970-х гг. среди обществоведов и социологов появились две концепции четкого разграничения сфер деятельности между мужчинами и женщинами. Одни считали новым и нетрадиционным само включение женщин в производственную сферу при сохранении статуса кво в лоне семьи. Другие полагали, что суть нового подхода сводится к дозволению простого «обмена» ролями между мужчинами и женщинами как в обществе, так и в рамках семьи с тем, чтобы сохранить сам принцип разделения ролей: жена работает вне дома — муж больше делает по дому.[68] Постепенно становилось ясным, что современный подход в любом случае подразумевает больший акцент на индивидуальные интересы женщин, на признание их равноценности с интересами мужчин. Так, приверженцы феминизма отрицали модель «партнерского брака» в его прежней интерпретации (в стиле 1950-х гг.), призывая женщин (а через некоторое время и мужчин) освободиться от связывающих их обязательств, отвергнуть традиционные роли и ожидания общества

и посвятить себя развитию собственного «я». Последнее пало на подготовленную почву — многие дети «бэби-бума» оказались эмоционально неуверенными, обращенными внутрь себя. Даже сама численность этого поколения неминуемо входила в противоречие с традиционным культом индивидуализма.[69] Время массового следования заданным нормам в известном смысле оставалось позади. Но несмотря на усилия феминисток, которые в своей атаке на сексизм пошли значительно дальше призыва Б.Фридан к самореализации, достаточно четкое разделение маскулинных и фемининных стереотипов на уровне как установок, так и поведения оставалось характерным для 1960–1970-х гг.

* * *

Одним из ярких проявлений изменений гендерных и семейных норм стало растущее число разводов при том, что семейные американцы казались вполне довольными своей жизнью[70] (по данным опросов общественного мнения).[71] Никогда традиционные представления о семье и браке не подвергались такому сомнению, как в 1970-е гг. Согласно новому, не получившему большого распространения, но заявившему о себе образу семьи, она представляла собой структуру, мешающую полноценному развитию индивидуума и связывающую его. Человек ищет «spice» (пряность) и «space» (пространство), то, что семья предоставить не может[72], и что потенциально может быть найдено в других формах отношений. Отражением этой установки стало увеличение числа людей, которые принципиально не оформляют отношения или вообще живут одни. Утверждения, что люди женятся по любви начали рассматриваться как миф. Выдвигалось утверждение, что романтическая любовь вовсе не необходима для счастливого брака (так же как и полная гармония в отношениях супругов). Если в 1960-е гг. существенными элементами счастливого брака назывались взаимное уважение, сотрудничество, согласие в воспитании детей, доверие, гармоничные сексуальные отношения[73], игривое обращение друг с другом и общая религиозная жизнь, то в следующем десятилетии больший акцент делался на реалистичности ожиданий, признании различий. Все чаще появлялись суждения о том, что неудачный брак не улучшит и появление детей.[74]

Одним из типичных теоретических обоснований концепции брака в 1970-е гг. стали работы известного специалиста по семье Г.Отто.[75] Он призывал принимать обязательства, в первую очередь, по отношению к себе, собственной самореализации, отказаться от

страха «покинуть якобы комфортный плен, в который заточили себя большинство представителей среднего класса»[76] в браках, основанных на «индифферентности» и «терпимости» и держащихся за счет детей, привычки и обеспокоенности из-за общественного мнения. Ключом к этому должна быть попытка избежать рутины и пресыщения друг другом, идея «обновленного брака»: признание того факта, что любовь и понимание между партнерами являются динамическими элементами в реализации личного потенциала каждого; заинтересованность в личном росте индивида, которая может проявляться посредством участия в различных группах по развитию личностного потенциала (self-growth group, etc); участие в социальных переменах — ориентированность на сегодняшний момент, а не на прошлое; видение брачного союза как гибкого, постоянно развивающегося и меняющегося института, который базируется на жизнеутверждающем отношении к действительности, а также экспериментировании; брак рассматривается как средство для отдачи и получения любви, взаимного понимания и сексуального удовольствия. Очень существенно то, что духовная и физическая близость сочетается с принципиально важной независимостью обоих партнеров, именно личное счастье мужа и жены становится критерием счастливого брака.[77] Казалось, что американские идеалы индивидуализма и автономии наконец получили свое законченное оформление.

Понятие «я» в 1970-е гг. занимало первостепенное положение в жизненной философии американцев среднего класса. Общество в бурные 1960-е и позже — в 1970-е гг. переживало глубокий социальный и нравственный кризис, чем отчасти и объяснялась популярность подобного «терапевтического» подхода к себе. В 1970-е гг. более 80% американцев были заняты поиском самореализации в том или ином смысле: посредством участия в группах самопомощи, социальной активности, как, например, женское движение (Women's Lib) и др.[78] — американцы отрицали «старое кредо: если работать, избегать неприятностей, ставить семью и окружающих выше, чем личное удовлетворение, то ты будешь вознагражден хорошей жизнью».[79] Взлет женского движения, (как и в 1920-е) в чем-то предшествовал этой акцентировке личной свободы и самореализации индивида, в чем-то сопровождал ее. Культура, которая столь активно пропагандирует «самореализацию» не может допустить того, чтобы человек ощущал неудовлетворенность самим собой и своим партнером; источник неприятного самоощущения должен быть устранен. Ожидания от брака усложнились и стали более индивидуали-

зированными. Неудивительно, что в случае неудачи трудно было противостоять желанию начать все заново. Началось активное обсуждение преимуществ так называемой серийной моногамии, по принципу которой именно смена партнеров в течении жизни лучше всего обеспечивает их счастье и самореализацию. В моногамном браке социолога Отто не устраивало то, что, индивид утрачивал возможность сохранить неприкосновенной свою частную жизнь, испытывал нехватку свободы, разнообразия в сексуальном и социальном плане.[80]

Всем этим новомодным течениям как нельзя лучше отвечала созданная еще в прошлом столетии огромная сеть различных психологических и психотерапевтических служб, занимающихся коррекцией и в какой-то степени моделированием как личностных аспектов поведения, так и семейных отношений. Увлечение психологами, семейными терапевтами самого различного толка (по американской терминологии) проявилось с особой силой в годы после второй мировой войны, когда психология и психологическая терминология стали доступными широкому пользователю благодаря их популяризации. Отчасти именно новые (гуманистические) направления в психологии 1960–х[81] привели к отрицанию брака и семьи как необходимого условия для счастья, поскольку в них усматривалась угроза гармоничному и свободному развитию индивида.

Что касается советов тем, кто все-таки решился на брачные узы, то в середине 1970-х гг. супругам рекомендовалось следующее: уметь принимать взаимоприемлемые решения, заботиться о своем физическом состоянии, определять собственные цели в духе собственной жизненной философии[82]. По мнению У.Андерсона, одного из авторов многочисленных пособий для молодых пар того периода, при выборе партнера имело значение следующее: хороший характер, внимательность, естественность и общительность, чувство юмора, схожие интересы и ценности, аккуратная внешность, стабильность и надежность[83] — все это звучало вполне традиционно. По мнению того же автора, такие факторы, как счастливый опыт родителей в браке, адекватная информация о сексе, счастливое детство, достаточная продолжительность знакомства, ухаживания, периода обручения (от 9,5 до 11,1 месяцев), одобрение родителей и окружающих, сходство в этническом и религиозном плане, высокий социальный и образовательный уровень, примерно одинаковый (и одинаково зрелый) возраст супругов помогут им безболезненно пройти период привыкания друг к другу.

Альтернативные (а в понимании кого-то по-прежнему девиант-

ные) формы семейной жизни были представлены как выходцами из того же среднего класса, чья среда стала менее гомогенной, так и другими расовыми, этническими и социальными группами. Стало больше неполных семей, возникающих в результате развода или рождения ребенка вне брака. Сам факт наличия и афиширования (пусть немногочисленных коммун), групп семейных пар, в которых происходил обмен партнерами, изменил нравственный климат в стране. Образовался совершенно новый словарь для описания «транзиторных» отношений, заменяющих семью: сожители, партнеры, «смешанные семьи» (mixed families), «вновь созданные семьи». Поколение старших детей бэби-бума сделало немало для того, чтобы освободить индивида из-под контроля семьи, и брак стал гораздо менее нормативным. Социологи и семейные терапевты обращали внимание и на следующее: бездетные пары жаловались на свой брак не больше, чем их соотечественники, имевшие детей, то есть было размыто и представление о полноценной семье.

Принципиальным моментом стало признание в обществе[84] того, что, мужчины были гораздо более счастливы в браке, чем вне его, в то время как замужние женщины испытывали немало психологических и даже психических расстройств. Получалось, что «для того, чтобы ощущать себя счастливой во взаимоотношениях, которые облагают женщину столь многими ограничениями, она должна быть слегка нездоровой психически». Причиной тому было то, что, согласно традиционной идеологии, жена должна была боготворить мужа, адаптироваться к его образу жизни, принимать его самого, друзей, их вкусы как свои собственные. Но и в 1970-е гг. раздавались голоса в защиту этой самой идеологии: например, книга «Абсолютная женщина»[85], получившая большую популярность (особенно в сельской Америке), в которой утверждалось, что женщина должна поражать мужа своими туалетами, быть всегда готовой к сексуальному контакту, «совращать мужа», скрывать свои истинные чувства во имя сохранения отношений. Согласно таким жизненным установкам, полноценная реализация индивида представлялась возможной лишь для мужчин. Женщина же получала меньше именно в той сфере, которая была для нее основной и единственной областью самореализации: ведь женщины требовали от мужчин тех проявлений любви, которые в традиционном понимании являются характеристиками, присущими в первую очередь самим женщинам. Естественно, что и советы, как улучшить отношения в браке, были обращены именно к ним. Открытая зависимость от мужа поддерживалась представлениями о том, что мужу лучше быть старше, бо-

лее образованным и более высокооплачиваемым.

* * *

В конце 1960–1970-х гг. произошел ряд весьма примечательных перемен на телевидении: женщины «вышли» за пределы семьи и дома. Так, появились передачи о женщинах-детективах (Charlie's Angels), которые, хотя и продолжали оставаться сексуальными объектами, но уже занимались собственной карьерой.[86] Вышел в эфир телесериал «Все в семье» (All in the Family), в котором общественный конфликт был перенесен в частную, семейную сферу на экране: открыто обсуждались проблемы неверности, сложных внутрисемейных отношений. Главными героями передач были американцы, испытавшие кризис в браке и семье. Эмоциональный комфорт человека связывался не только с его семьей, но и с положением в обществе, ситуацией на работе.

Раньше мужчины составляли по меньшей мере 3/4 всех героев телевизионных передач драматического жанра лучшего эфирного времени. Женские роли были больше сконцентрированы в комедийных шоу, включая и «работающих героинь», которые всегда занимали должности, менее важными, чем мужские. Активных, проницательных героинь, с сильным характером явно не хватало. Чаще всего американки той эпохи пытались совершить комический «побег» из домашнего, семейного мира (I Love Lucy, The Honeymooners и др.), в чем и заключалось «символическое уничижение женщин»[87], которые изображались в уютной семейной обстановке или же в качестве романтических героинь, милых, справедливых, общительных, мирных, тогда как мужчины, почти всегда, — более властные, последовательные, рациональные и умные. В начале 1970-х гг. стали выходить сериалы об одинокой работающей женщине (The Mary Tyler Moore Show, Laverne and Shirley), которая была больше заинтересована в работе и которую вовсе не тяготила новая свобода, раньше являвшаяся социальным табу. В передаче One Day at a Time героиня, разведенная женщина одна воспитывала своих детей. В очень популярном сериале конца 1970-х — начала 1980-х гг. Three's Company фигурировало две женщины и мужчина, связанные друг с другом лишь дружескими узами, но живущие вместе. Еще за несколько лет до этого подобный образ жизни мог шокировать добропорядочных представителей среднего класса. СМИ преподносили все новые сюжеты, будучи уверенными в том, что они найдут своего зрителя. На рубеже 1970–1980-х гг. телевидение прославляло не столько институт семьи, сколько образ жиз-

ни одиноких мужчин — белых американцев. Однако буквально в это же время началось если не возвращение к традиционным моделям взаимоотношений в семье, то проявление большего внимания к значимости семьи.

Новые ценности в американской жизненной философии в 1980–1990-е гг.

Итак, представители поколения «бэби-бума» по-новому определили составляющие брака и родительства, привнеся свой образ жизни, сделав его разнообразие нормой. Эти изменения были во многом обусловлены их беспрецедентной массовостью. Практически всех 76 миллионов американцев, родившихся в период 1946–1964 гг. отличает высокий уровень образованности, ориентированность на высокие жизненные стандарты Это было сформировано под воздействием благоприятной экономической ситуации 1950-х и 1960-х, осознания собственной исключительности. Они воспитывались в атмосфере достатка или даже избытка.[88] Д.Янкелович полагает, что дети «бэби-бума» впитали материалистические установки, присущие их родителям на определенном уровне благосостояния, но не пожелали прибегнуть к схожим методам его обретения, отказались от идей самопожертвования и, оказавшись в ситуации ограниченных экономических возможностей, не захотели вернуться к старым этическим нормам.

Неотъемлемой частью жизненной философии американского среднего класса начиная с 1970-х гг., стала концепция самосовершенствования, личностного роста. Гораздо большее значение приобрело осознание человеком внутренней свободы, гармония с самим собой, творчество, получение удовольствия. Д.Янкелович, признанный эксперт в исследовании американских ценностей, назвал эту мораль этикой обязательств (committment) по отношению к себе, а не этикой отрицания собственных интересов, свойственной прошлым периодам.[89] Начиная с 1970-х гг. для многих представителей среднего класса стало характерным восприятие семьи как средства реализации, компенсаторного феномена, обеспечивающего человека тем, что не могут предложить другие социальные структуры. В отличие от принципиально важных составляющих первого образа — строгой морали, долга, этики труда на благо семьи, при не-

обходимости — отрицания удовольствий и ограничения себя, этот образ акцентирует самореализацию и радость. Семья объединяет индивидов в их стремлении получить удовольствие. Данный образ пропагандирует эгалитарные взаимоотношения между мужем и женой, их взаимозависимость на качественно новом уровне, подразумевающем не разделение «миров» по гендерному признаку, а поиск приемлемых форм интеграции, гибкости в распределении ролей и выполнении различных функций. Условно этот образ можно назвать «нетрадиционным» или современным.[90] В то же время предполагается и значительная свобода «выхода» из отношений, не отвечающих высоким требованиям, ведь новый моральный принцип «я должен себе» означал и новый уровень независимости для индивида, свободы выбора — расторгнуть брак, не иметь детей.

Поколение «я» конца 1970-х, индивидуалистические установки которого еще не были приведены к балансу между личностью и окружающими, быстро стали обвинять в нарциссизме. Средний класс США оказался разделенным и еще в одном смысле: на тех, кто теперь, в 1980-е гг., стремился к самовоплощению в работе, приобретении, финансовом успехе и свободе от связей с окружающими, и тех, кто старался возродить «традиционные ценности», в большей степени акцентирующие семейные связи, рутинный образ жизни, ощущение принадлежности. Значительная часть среднего класса, особенно его менее обеспеченные представители, жители маленьких городков, не приветствовали бурные настроения 1960-х и 1970-х и желали восстановления порядка и стабильности. Это возрождение могло проходить и проходило за счет обращения к риторике консервативно настроенных кругов из более зажиточных слоев. Именно поэтому постепенно выражение «семейные ценности» (family values) приобрело, по мнению либералов, негативное значение («так говорят консерваторы»).

Происходило слияние двух, достаточно противоположных групп ценностей и приоритетов. Если в начале 1980-х значительная часть среднего класса — мэнеджеры, профессионалы и т.д. были буквально поглощены карьеризмом, трудоголизмом, стремлением к сверхдостижениям, выбирая работу в качестве однозначного приоритета в жизни и отдыхая только для того, чтобы «подзарядиться», то в конце десятилетия уже больше американцев работали для того, чтобы полноценно отдохнуть. Американцы начали стремиться к балансу между вниманием к себе и обязательствами по отношению к окружающим, как бы говоря не только «я», «мне», но и «мы». На первый план начало выходить требование восстановления близо-

сти, интимности в отношениях между людьми, наряду с поощрением открытости.[91] Д.Янкелович считает, что «зародыш новой этики» включает в себя стремление к более близким и глубоким межличностным отношениям и переход от инструментальных ценностей к экспрессивным[92] — «самовыражению», «вниманию к окружающим и заботе о них», «аффилиации» — то есть то, что раньше считалось качествами, преимущественно свойственными женщинам. Наряду с ориентированностью на карьеру для обоих полов в мужчинах теперь поощрялась открытость в выражении своих чувств. Любовь перестала быть особой прерогативой женщин.

Подчас создается впечатление, что в результате этих тенденций американцы среднего класса 1980-х–1990-х рассматривают себя как более раскрепощенных, не связанных прежними внешними ограничениями, обусловленными полом и социальным статусом. Исключительная важность придается гармонии с самим собой, внутреннему комфорту. Достижение успеха происходит по выбранному пути, который в оптимальном варианте не должен наносить вред обществу, но и не обязательно приносить общественную пользу. Строго говоря, новая философия успеха более не предполагает следования единым канонам респектабельности и конформизма. Согласно Д.Янкеловичу, за последние несколько лет американцы придают меньше значения обязательствам, конформизму, респектабельности, так называемой социальной нравственности, жертвенности, традиционным нормам сексуального поведения. В то же время больше внимания уделяется возможности самовыражения (такую трактовку в противовес пуританской этике получает и трудовая деятельность), активности в деле сохранности природы, получению удовольствий (в том числе сексуальных), моральному и физическому здоровью. Выросла ценность семьи, особенно как базы для передачи ценностей, но при этом понятие семья теперь уже часто трактуется за пределами нуклеарной семьи. Отношения между мужем и женой видятся в рамках совместных обязательств, а не основываются на обязанностях, вытекающих из предписанных ролей.[93] Среди ценностей, которые, по мнению Д.Янкеловича, не подверглись принципиальным изменениям, — свобода, равенство перед законом, равные возможности, справедливость, идея достижения провозглашенной цели, патриотизм, демократия, исключительность Америки, религия, философия удачи, внимание к окружающим — семье, общине, конкретной этнической группе.[94]

В реальности для многих самоидентификация по-прежнему мыслится путем принадлежности или хотя бы причастности к опре-

деленным структурам, будь то институализированным, или нет. Один из основных источников стресса для мужчин и женщин, в необходимости отвечать ожиданиям окружающих, при этом около 1/3 никогда не участвуют в делах общины, равно как никогда не пишут письма друзьям или родственникам, а 2/3 американцев являются членами какой-нибудь организации, чаще всего церковной, за ними следуют спортивные и связанные с работой.[95] Несмотря на стресс дома и на работе, в конце 1980-х большинство американцев были вполне удовлетворены своей жизнью (63% опрошенных организацией Л.Харриса).[96] Но при этом не следует забывать и о том, что подчас оценка собственного состояния среди американцев бывает полуавтоматической — знаменитое «I'm fine» (у меня все хорошо).

Судя по данным различных социологических служб, большинство американцев продолжают верить в «американскую мечту».[97] Среди них, кстати, и президент Клинтон: простая, но могущественная американская мечта, на которой они все выросли, по его словам[98], заключается в следующем — «если ты много работаешь и играешь по правилам, тебе должен быть предоставлен шанс пойти так далеко, как позволяют Богом данные способности».[99] Нам хотелось бы предостеречь от абсолютизации культурного плюрализма, который безусловно характеризует современные США, и обратить внимание на то, что сам факт сохранности идола «американской мечты» унифицирует жизнь американцев. Будучи оптимистами и проповедуя положительное отношение к действительности, многие американцы уверены, что близки к ее достижению. То, что американская мечта жива, видно хотя бы потому, что строительство дома, правильный выбор страховой компании, теперь — все чаще разумный пенсионный план — все это подается как ее элементы. Важными составляющими американской мечты всегда считались: высшее образование для себя и детей, собственный дом, финансовая защищенность, достижение успеха по сравнению с родителями и, наконец, желание разбогатеть (последнее — для чуть более трети). По нашим наблюдениям, компонентами американской мечты стали свобода выбора, стремление к самореализации, зависящей скорее от личных представлений и установок самого индивида, не нуждающихся в постоянной референтной оценке окружающих[100], и все же несколько в меньшей степени опосредованной экономическим успехом.[101]Около одной трети американцев уверены, что уровень жизни их детей будет выше, чем их собственный (в независимости от возраста респондента), еще четверть не видит возможности перемен.[102]

Так называемые «новые взрослые» — а к началу 1990-х они со-

ставляли около 2/3 «всей покупательной мощности страны» — видели больше ценности в детях, семье, друзьях, чем за двадцать лет до этого, но при этом не забывали о самореализации и карьере.[103] Вот уже много лет чуть меньше половины респондентов, согласно опросам Гэллапа, стабильно отвечают, что их семейная жизнь лучше, чем у большинства людей, которых они знают; 90% полностью, или в основном были удовлетворены ею. Примерно тот же процент населения в течение многих лет дает положительный ответ на вопрос об удовлетворенности личной жизнью. По данным одного опроса конца 1980-х гг., наибольшую степень удовлетворения в личной сфере приносила семейная жизнь, общие жизненные стандарты и жилищная ситуация, здоровье и свободное время, несколько меньше — работа. Финансовое благополучие занимает немаловажное место (40% респондентов весьма авторитетного исследования конца 1980-х[104] отметили достаток как важный элемент удачного брака), наряду с семьей, возможностью контролировать свое время, противостоять стрессу, вести здоровый образ жизни. Даже при учете новых веяний 1970-х гг. любовь, дружба и семья оставались наиболее важными ценностями для американцев на протяжении последних трех десятилетий.[105] Так, в 1976 г. 83%, а в 1991 — 93% американцев сочли семейную жизнь очень важной ценностью. Около трех четвертей американцев стабильно удовлетворены своей семейной жизнью. Правда столько же полагают, что современный брак должен быть модифицирован в целях улучшения положения женщин. Более половины американцев оценивали перспективы развития семейной жизни в США как неважные или плохие.[106] Более половины американцев ставят падение нравов на первое место среди самых серьезных проблем страны — с большим отрывом от экономических сложностей, неверной внутренней политики и пр.[107] В начале 1990-х гг. около 60% как мужчин, так и женщин полагали, что институт брака не столь прочный (предлагая уделять больше внимания традиционным семейным ценностям), как прежде (но в 1970 г. так считало более 70%).[108] Во многих случаях подобное мнение основывается не на личном опыте, а на том, что творится вокруг. По убеждению опрошенных нами американцев, стереотипные образы семьи, формирующиеся в значительной степени средствами массовой информации, имеют мало общего с реальностью: «авторы телевизионных программ — сами люди из Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, самых нетипичных городов для Америки», заметила одна из наших респонденток. Немалую роль в распространении этих образов играет и реклама. Милый, заботливый дедушка, кото-

рому внучка объясняет премудрости современной техники; мама, успевающая все, любящий папа, который забирает дочку с уроков танцев, мама, убегающая на работу и оставляющая детям удивительно вкусные готовые сэндвичи, — вот, что было характерно для американского телевидения в начале 1990-х гг., которое предлагало имиджи практически всех известных Америке форм и видов брачно-семейных отношений — от наиболее современных до традиционных, правда, с упором на современные — иначе автора рекламы можно было бы заподозрить в том, что он или она не совсем представляют себе то, что сейчас является «политически корректным».

Отрицательным последствием массированной подачи стереотипов «хорошей, благополучной семьи с идеальными детьми» является то, что те, кто не в состоянии достичь этих идеалов[109], начинают ощущать себя неудачниками. Подобное противоречие разрешимо за счет разнообразия образов. Пестрота типов семьи, как уверено большинство наших респондентов, не должна означать вседозволенности и полного несоблюдения элементарных, общепринятых норм человеческих взаимоотношений. Стандартные семьи с двумя родителями становятся все более и более гетерогенными с точки зрения усложнения состава семьи — более 20% семей с детьми имеют сложный состав (либо усыновленных детей, либо родителей от второго брака). Существенный результат десятилетия 1990-х гг. — увеличение значимости семьи как основы для передачи ценностей, что подтвердили личные интервью: американские студенты не находят состояние института семьи в Америке кризисным и согласны с тем, что в обществе существуют определенные ценности. Моногамность, верность и преданность супругов друг другу представляются немаловажными элементами концепции как традиционных, так и современных семейных отношений, которые приветствуются.

* * *

Американцы много говорят о семье: при первом знакомстве, к примеру, вопрос о семье, детях возникает практически сразу же. Открытость, готовность поделиться достаточно интимной, на наш взгляд, информацией о своей семье («мое детство прошло в семье алкоголика», «я очень люблю своих приемных родителей, но мне всегда было интересно повидаться с моей биологической матерью») вовсе не предполагает долгосрочную близость с собеседником. Несмотря на то, что в 1987 г. 87% опрошенных заявили, что у них были «старомодные идеи относительно семьи и брака», всего

22% опрошенных в 1989 г. определили семью исключительно в рамках гетеросексуального брака, кровного родства или усыновления. 74% сказали, что семья может быть любой группой, объединяющей индивидов, любящих друг друга и заботящихся друг о друге.[110] Широта определений не обязательно свидетельствует о том, что американцы безнадежно запутались в своем отношении к семье. Скорее это говорит о том, что процессы, происходящие сегодня в данном институте, слишком сложны для однозначных оценок или прямолинейных выводов.

Судя по некоторым ответам наших респондентов — преимущественно, жителей восточного побережья США, они воспринимают семью как: помощь и поддержку (как эмоциональную, так и финансовую) в горести и радости, основу жизни или саму жизнь; близких людей, связанных кровнородственными отношениями (но не обязательно), прежде всего, родителей или просто близких людей, принимающих тебя таким, какой ты есть; символ любви, общения, теплоты, заботы, понимания и укрытия от проблем внешнего мира; объединение людей, некую «единицу», будучи частью которой можно делиться с остальными своими эмоциями, тяготами, переживаниями. По их словам, усилия всех членов семьи направлены на получение некоего позитивного результата; место, где можно быть самим собой, без всяких ограничений, где тебя всегда ждут, где дети накапливают опыт и познают основные жизненные ценности, нравственные основы. Но это не означает, что жизнь в семье лишена сложностей. Молодежи не всегда нравится употребление терминов «традиционная» или «типичная семья», как раз потому, что встает вопрос о точке отсчета. Они характеризуют традиционную семью либо как нуклеарную семью с четким разделением гендерных ролей (это — наиболее прочно укрепившийся образ традиционной семьи), либо как модель, когда несколько поколений успешно интегрированы в одну большую семью (точка зрения достаточно редкая). Точка отсчета меняется: так один респондент из Вашингтона в 1996 г. ответил, что его брак был традиционен и пояснил — мы оба делали карьеру и совместно занимались работой по дому. Наши наблюдения подтвердили амбивалентность жителей США в вопросе о том, что считать типичной семьей. Американцы часто не слишком стремятся казаться типичными в устных беседах, скорее можно услышать ответ: «о, моя семья совсем нетипична», — причем за этим может стоять все что угодно. Те же, кто говорят, что их семья типична, произносят это с долей иронии — доброй или не очень. Тем не менее, заполняя наши анкеты, примерно половина респондентов ответила, что их брак ти- типичен и 2/3 назвали

типичными для современной ситуации свои отношения с партнером, не оформленные браком.

Если с 1970 по 1990 гг. процент традиционных семей с неработающей женой сократился с 40% до 26%, то за последующие семь лет он упал всего на 1%.[111] По другим данным, в 1990-е гг. таких семей — уже около 20%[112], при том ролевые ожидания от жены и мужа, равно как и их реальное поведение, могут варьироваться. Если в 1993 г. семьи с двумя родителями среди белых американцев составляли 75,5% (всего по стране — 69,8%, а среди черных только 37,7%), то в 1970г. — соответственно, 89,9%, 87,1% и 64,3%, причем основной рост семей, состоящих из одного родителя, пришелся именно на 1970-е гг.[113] К 1993 г. процент домохозяйств белых американцев, в которых проживали супружеские пары, сократился с 88,9% до 82,3% — около 48 миллионов (семьи черных американцев — с 68,3% до 47,5%, соответственно). Семей с детьми, или как принято отмечать в Бюро переписей, семейных групп с детьми, включающих обоих родителей — насчитывалось около 22 миллионов.[114] Очевидно то, что традиционная нуклеарная[115] семья перестала быть обязательной, доминантной в структуре современного западного (в том числе американского) общества, оставаясь при этом широко распространенной и весьма желанной формой сосуществования взрослых индивидов.[116] Наряду с очевидными позитивными результатами эволюции семейно-брачных отношений в США (повышение статуса женщины, более высокое качество взаимоотношений между супругами и партнерами, активная забота о физическом и душевном здоровье индивида), а также тенденциями, которые сложно трактовать как однозначные (распространение сожительства как предтечи браку или альтернативы ему, рост числа повторных браков), можно отметить и негативные последствия. Прежде всего то, что дети не являются более первоочередной ценностью в жизни американцев, а самые серьезные проблемы наблюдаются именно в социальной экологии детства; растет число неполных семей, бедность, нередко отрицательны последствия увеличения числа семей с двумя работающими родителями; остающееся высоким число разводов.[117] В США нередко выдвигается тезис, что «безролевые роли» для индивидов стали скорее правилом, а не исключением, ценности же представляют собой приоритет личности, но не общества в целом: то есть то, что является оптимальным для конкретного человека, совершенно не обязательно представляет некую культурно-нравственную норму, что в настоящий момент перед индивидом стоит вопрос, как защитить себя в

мире, свободном от моральных ценностей.[118] По данным многих опросов общественного мнения, именно упадок нравственности представляется американцам самой серьезной проблемой.[119] Итак, именно «семейные ценности стали основной ареной схватки между новыми экспрессивными ценностями, нацеленными на поиск большего разнообразия для себя и более традиционных требований семейных связей, обязательств и долга», — пишет Д.Янкелович в сборнике статей, посвященном проблемам ценностей. Из одиннадцати наиболее часто встречающихся определений американцами семейных ценностей в 1990-е гг., проанализированных им, шесть — достаточно традиционны: уважение к родителям, ответственность за свои действия, вера в Бога, уважение к властям, пожизненный брачный союз, желание сделать что-то, что улучшит мир. Остальные ответы включали более новые, экспрессивные ценности: эмоциональная поддержка другим членам семьи, уважение к людям — таким, какие они есть, хорошие навыки в выражении собственных чувств, уважение к собственным детям, реализация личностного потенциала. Однако менее половины американцев перечислили как ценности собственно брак или наличие детей, финансовую обеспеченность, способность зарабатывать. Парадокс в том, что и то, и другое имеет свои корни в традиционных установках. На уровне общественного дискурса ценности (более или менее традиционные находятся в состоянии войны), в то время как на индивидуальном уровне они подчас мирно уживаются и гармонично дополняют друг друга.

Немало голосов раздается по поводу того, что институты, традиционно отвечавшие за передачу духовных ценностей и поддержание нравственности — семья, община, школа, церковь — находятся в состоянии кризиса. Как и раньше, большинство людей ожидают, что именно в школе будут прививаться высокие этические нормы. Получается некий порочный круг, когда невозможно представить себе прочные ценности без прочных институтов, и наоборот. В то же время многие американцы не в состоянии признать моральное главенство кого бы то ни было, кроме самих себя. В 1994 г. 76% опрошенных согласны с утверждением, что в США наблюдается нравственный и духовный кризис, причем 77% винят в этом кризис института семьи, 76% — самих индивидов, 67% — телевидение и поп-культуру, 55% — правительство и политических деятелей, 50% — экономические условия, 44% — школы, 26% — религиозные институты.[120] Таким образом, «истончение социальной ткани в стране»[121] превратилось в навязчивую идею на национальном уровне.

Как и во всем индустриальном мире, в США серьезная трансформация семейных отношений, а подчас и их кризис, могут трактоваться и как свидетельства дезинтеграции ранее доминировавших типов и форм семейной жизни, и как знак того, что семья просто меняется в ответ на процессы, происходящие в макромире.[122] В научно-техническом прогрессе заложен огромный потенциал для изменения существующего уклада жизни и привычных норм. Появился круг неоднозначных, трудных для решения биоэтических проблем, бремя которых часто ложится на плечи семьи. Некоторые из них связаны с беспрецедентной для Америки демографической ситуацией — массовым старением страны по причине увеличения продолжительности жизни и массовости того поколения, которое в недалеком будущем перешагнет рубеж пожилого возраста. Другие имеют отношение к новым репродуктивным возможностям. Некоторые пары спорят после расторжения брака, кто имеет теперь право на использование замороженной спермы или яйцеклеток. Хаотичность жизни, ее технологичность, компьютеризация — в известном смысле размыли границы дома, домашнего хозяйства, сделав их значительно более проницаемыми. Достаточно привести пример электронного пространства[123], доступность и открытость которого серьезно противоречит основополагающим принципам приватности жизни (privacy).[124] Кстати, приватность подорвана и стремлением сделать жизнь для любых людей как бы одинаково комфортной. Попытки такой унификации неминуемо требуют общественного контроля. Представители консервативных кругов открыто сожалеют о том, что жизнь семей перестала быть частным вопросом. И в то же время именно консервативная ригидность норм невольно подрывают приватность семейной жизни и индивидуальность выбора. Есть, однако, явления, наводящие ужас на публику, в независимости от политических пристрастий. Например, телевизионные ток-шоу (особенно передача Джерри Спрингера), на которых устраиваются публичные семейные разбирательства. Люди получают приглашение участвовать в эфире, и их предупреждают, что будет обнародован некий секрет. Как ни странно, участники предполагают, что он будет достаточно безвредным. В действительности это часто бывает информация о факте измены и пр.

Дискурс по поводу семейных ценностей прочно вошел в круг тех проблем, которые рассматриваются в контексте «политической корректности» на всех уровнях — общественности, масс медиа, политики.[125] Семейное положение играет далеко не последнюю роль в политической карьере: нередко одерживает победу более семей-

ный, «правильный кандидат» (так Рик Уайт, конгрессмен от республиканцев, активно использовал семейную риторику в своей предвыборной кампании, однако через несколько лет сам столкнулся с проблемой развода, не выдержав стресса и огромной нагрузки).[126] В штате Джорджия, где и прелюбодеяние, и гомосексуальная связь квалифицируются как преступление, претендент на место губернатора пытался уволить женщину на том основании, что она собиралась заключить брак с другой женщиной, но его самого вынудили признаться в 10-летнем романе с бывшей официанткой в клубе Плэйбоя, что поставило под вопрос его политический успех. Кризис института семьи широко обсуждался во второй половине 1970-х гг.[127], когда почти половина опрошенных Институтом Гэллапа американцев заявили, что за последние годы семейная жизнь ухудшилась. Все более «горячими» становились проблемы детей и женщин, переживших насилие; затем СПИД. Тема семьи и «семейных ценностей» превратилась в предмет повышенного внимания политических партий. Прочные семейные связи, взаимные обязательства начали рассматриваться как залог выживания свободного американского общества. В число тех, кто решил повести «крестовый поход» с целью возродить семейные ценности, вошли консервативно настроенные религиозные деятели, занимающие позиции фундаментализма (так называемое моральное большинство), политические консерваторы и группы населения, озабоченные конкретными вопросами (например, проблемой абортов). Недостаточная аргументированность и продуманность призывов спасти нацию от «морального коллапса» зачастую сводились к весьма примитивным, крайним мерам (к примеру, требованию полного запрета абортов). К началу 1980-х гг. широко распространилось мнение, что понятие гражданских обязанностей и социальной ответственности в Америке подверглось эрозии, страна пережила эпоху «излишеств», а стремление к материальному достатку, приобретениям, самоудовлетворению, комфорту достигли апогея. Переоценка понятий обязанностей и ответственности должны была произойти через «новое открытие» семейных ценностей. В своей предвыборной кампании 1980 г. Р. Рейган делал особый акцент на вопросах «семьи, работы и общины», а в 1984 г. он снова напоминал, что крепкие семьи являются основой общества.[128] Одной из посылок, хоть и оспаривавшейся многими специалистами, стало то, что лишь в полной (и, следовательно, полноценной) семье ребенок может усвоить идеи долга, великодушия, цельности и других важных составляющих зрелой личности. Республиканская партия заняла откровенно ан-

тифеминистские позиции, выступая также против гомосексуализма и абортов. В годы своего президентства Рейган существенно сократил ассигнования на социальные программы. Демократы, критикуя президента за то, что его озабоченность проблемами американских семей была ханжеской, в свою очередь, призывали к конкретным шагам — гибкому рабочему графику, предоставлению родителям отпусков по уходу за детьми, введению единого стандарта для детских садов и пр.

Еще в начале 1980-х гг. американский писатель Том Вулф, кому принадлежит удачное определение 1970-х гг. как десятилетия «я», отмечал, что последующая декада — «Великая Эра Бабушки» — должна быть отмечена определенным возвращением к старым ценностям, старой системе, у которой есть свои преимущества и достоинства, к примеру, очевидный приоритет детей. Он предсказывал, что религиозность, позитивное отношение к материальному благополучию, стремление к «хорошей, правильной жизни» снова станут популярными.[129] В одном он оказался прав: в 1980-е гг. идея интеграции привычных, традиционных норм во многом охватила средний класс США. В 1988 г. популярный среди женской части населения Америки журнал Гуд Хаускипинг объявил, что открыл «самое крупное социальное движение со времен 1960-х гг. — обращение к дому, семье, традиционным ценностям». Этот же журнал провозгласил 1990-е гг. «десятилетием порядочности» или, как говорилось в других публикациях, «мы-десятилетие».[130] В 1991 г. журнал Тайм подвел некий итог народившимся тенденциям: «Устав от модных течений и материализма, американцы вновь открывают для себя радости семейной жизни, первичные ценности и то, что является вечным».[131] Семья — первооснова частной сферы, и оплот индивидуализма — была призвана «обуздать» разбушевавшийся индивидуализм в сфере общественной. Автор недавно вышедшей книги «То, какими мы никогда не были» известный историк семьи С.Кунтц, считала, что это явилось выражением давно существующего парадокса «семья — гарант индивидуализма» и «семья — гарант от излишнего индивидуализма».[132] Она же утверждала, что вот уже в течение нескольких лет на вопрос «если Америка так богата, то почему же мы несчастливы?» предлагается ответ — «из-за разрушения семьи». В своем обращении к народу 1992 г. бывший президент Дж.Буш заявил, что причина «кризиса городов» — в «распаде семей». Президент Клинтон в 1992 г., судя по его предвыборной платформе, активно использовавший семейную риторику, верил в способность правительственных программ помочь сохранить семейные ценно-

сти (что, как теперь известно, было с его стороны типично конъюнктурным шагом). Укрепление семейных ценностей и отношений выдвигалось им как основополагающий способ разрешения экономических и социально-культурных проблем, антитеза все возрастающему индивидуализму и фрагментации американского общества. Ярким свидетельством того, что администрация президента Клинтона прошла путь от сравнительно демократической и либеральной позиции до несколько более консервативных взглядов в вопросах семьи, социального обеспечения[133], стало признание президентом правоты вице-президента Дэна Куэйла. Тот в 1992 г. осудил героиню популярной телепередачи Мэрфи Браун — ориентированную на карьеру женщину старше 40 лет за то, что она осмелилась завести ребенка, будучи одинокой. Квинтэссенция этой позиции сводится к признанию очевидного примата нуклеарной семьи, основанной на гетеросексуальном браке, и попытке пропагандировать именно такой образ жизни. По мнению крупного специалиста по семье Д.Попно, подобный новый «фамилизм» защищают взрослеющие дети бэби-бума и дети разведенных родителей 1960-х.[134] Его оппоненты[135] считают, что время господства одного (пусть и модифицированного) типа семьи прошло, и что единственно правильная политика должна сводиться к признанию существующей палитры семей или псевдосемей и попытке найти и укрепить сильные стороны каждой из этих форм.

Согласно Национальной Комисии (НК) по городским семьям Америки, с точки зрения социальной политики и национальных приоритетов семья является воплощением обязательств, любви, социальной и личной ответственности, на которую надеются американцы ради собственного и национального успеха и процветания.[136] Многие негативные тенденции обусловлены тем, что для человека стало важнее сохранить стиль жизни, а не семью. Семья утратила социальные функции и социальную силу, то же самое можно сказать и об ослаблении общинности. Как свидетельствуют результаты деятельности НК, американцы в большинстве своем признают, что современная семейная жизнь одновременно дорога им и очень хрупка, и пользуется все меньшей поддержкой общества.[137] Крепкие семьи черпают свои силы в обязательствах их членов друг перед другом, вере, любви, а поддерживаются каждодневным трудом, жертвенностью, чувством сохранности.[138] Фрагментация семьи, по мнению, членов Национальной Комиссии, состоит в том, что ребенок в США не может более рассчитывать на то, чтобы провести детство в полной семье. Причина тому — высокий уровень разводимо-

сти и наличие родителей, которые вообще не заключают брак.[139] Большинство американцев согласны с тем, что основная семейная проблема заключена в том, что люди проводят меньше времени с семьей, и от этого страдают дети. При этом так называемое «качественное время», о котором так много говорят и пишут в последнее время, не в силах заменить постоянное, спокойное, размеренное общение с родителями. По крайней мере к такому выводу пришла крупнейшая исследовательница проблем семьи и брака А.Хохшилд в своей нашумевшей книге «Связаны временем» (или «В неволе у времени).[140] Однако ее позиция ставит под сомнение возможность равной занятости для мужчин и женщин, а также многие вопросы трудовой этики — где и как должна быть проведена грань между работой и семьей, если то и другое требуют как количественных, так и качественных вложений. Парадокс состоит в том, что согласно авторитетным данным, у американцев и американок в 1990-е гг. больше свободного времени, чем у их соотечественников тридцать лет тому назад. И не все тратят его на пустое времяпрепровождение у телевизора. Например, среди американской интеллигенции не принято просиживать часы у телеэкрана, а в некоторых домах телевизора просто нет.

Принципиально важным стало признание комиссией однозначного преимущества полной семьи в качестве идеала, к которому нужно стремиться (логическое завершение тенденции 1980-х гг. как для социализации детей, так и для благосостояния нации в целом): пусть как можно больше детей растет в полных семьях. Согласно выводам НК, следует не отрицать наличие проблемы, ссылаясь на то, что общество должно подстроиться под происходящие перемены[141], не «лечить» симптомы и не пытаться улучшить экономическую ситуацию, а посредством изменения культурной атмосферы и социальной политики, а также личной преданности делу, повернуть вспять эту негативную тенденцию.[142] По мнению НК, Бюро переписей населения должно ежегодно публиковать Индекс прочности семей (процент состоящих в браке совершеннолетних американцев, процент сохранившихся первых браков, процент детей, родившихся у людей, состоящих в браке, процент детей, которые живут со своими родителями — биологическими и не-биологическими — в 1970 г. совокупный индекс был равен 78, в 1990 — 66.[143]

* * *

Американцы проводят различие между супружеской парой и полноценной семьей, которая характеризуется наличием детей.

Часто, если речь идет о рецептах счастливой семейной жизни, разграничение представлений о браке и семье становится в известном смысле условным.[144] При этом американцы часто обращают внимание на специфику повторных браков: у супругов в этом случае больше уверенности в себе и более реалистичный взгляд на вещи. Одна из наиболее сложных и важных задач — освободиться от традиций первого брака и найти новый стиль жизни.

Брак и сейчас остается наиболее предпочтительной формой отношений в институте семей в США: 96% гетеросексуальных пар, проживающих вместе, состоят в браке.[145] 90% всех американских женщин и мужчин в конце концов заключают брак. В течение последних тридцати (!) лет около 96% американцев, согласно разным опросам общественного мнения, упорно заявляли, что они хотели бы заключить брак. А одно недавнее исследование выявило, что три четверти американцев охарактеризовали брак как «обязательство на всю жизнь, которое должно быть прекращено только при исключительных обстоятельствах».[146] Уже к концу 1970-х — началу 1980-х гг. было ясно, что принципиального увеличения числа индивидов, которые предпочли бы остаться одинокими, не наблюдалось.[147] 1990е-гг ознаменовались стабилизацией кривой разводимости и тем, что удовлетворенность американцев браком сегодня не меньше, чем в те же 1950-е гг.[148]: «Мы остаемся нацией, очень привязанной к институту брака, больше, чем другие общества, но эта привязанность несколько ослабла за последнее время»[149]. Но неотъемлемый компонент успеха в прошлом, брак сегодня постепенно перестал входить в круг обязательных достижений: в 1957 г. 80% опрошенных сказали, что люди, которые предпочли не заключать брак, — «больные», «невротики», «аморальные», в 1977 г. так считало 25%.[150] Сократилось число людей, состоящих в браке — в 1993 г. их было 64%, а в 1970 — 73%.[151] Благодаря средствам массовой информации, большинство американцев знают, что продолжительность жизни мужчин-холостяков меньше и что они хуже себя чувствуют. Правда женщины, согласно результатам многих исследований, в отношении здоровья что-то приобретают, а что-то теряют в браке.[152] В 1990-е гг. чуть меньше половины американцев-мужчин полагают, что и женщины, и мужчины жертвуют одинаковой долей свободы, вступая в брак. Оставшаяся часть разделилась: половина уверена, что женщина страдает больше. Женщины более пессимистично смотрят на свою жизнь в браке: 57% считают, что жертвуют многим, выходя замуж, и всего 11% «жалеют» мужчин.[153]

Несмотря на то, что отношение к гомосексуализму стало более

либеральным, в начале 1990-х гг. (когда прошел знаменитый марш в Вашингтоне в защиту прав гомосексуалистов) 70% опрошенных американцев выступало против однополых браков (при этом лишь 53% были в принципе против отношений между гомосексуалистами)[154], в основном, по всей видимости, в силу того, что подобные союзы не отвечают одной из первичных семейных функций — социализации детей. Правда, все больше гомосексуальных пар заводят ребенка. Примерно половина опрошенных журналом Ньюсуик высказалась против того, чтобы гомосексуальные пары брали детей на воспитание, хотя 57% считают, что из них получаются родители не хуже, чем в обыкновенных семьях. По другим опросам, в 1994 г. 29% считали, что гомосексуальные пары могут усыновлять детей. 1996 г. — 36%, в 1994 г. 65% были против, два года спустя — 47%. Только в 13 штатах гомосексуальным родителям можно усыновлять детей. Точное число гомосексуальных браков в США неизвестно. Согласно разным подсчетам, от 6 до 14 миллионов детей имеют хотя бы одного родителя-гомосексуалиста.[155] Сами дети, чьи родители (приемные или нет) — гомосексуалисты, подчас страдают от нетерпимости в школе, округе, от нелестных замечаний и просто оскорблений. В большинстве случаев этот факт может обнаружится после развода. В случаях же, где было задействовано суррогатное материнство или донорство, сами дети могут отзываться о своем папе, как о «доноре». Некоторым родителям (особенно паре мужского пола приходится везде носить с собой документы, подтверждающие их родительство). Существуют примеры того, когда матери теряют родительские права из-за своей сексуальной ориентации, и их собственные родители выступают против них в суде. Первоначальные исследования не обнаружили каких-либо принципиальных различий в психологическом статусе подобных детей или же их сексуальной ориентации. Но родителям приходится немало делать для этого, к примеру, следить за тем, чтобы дети проводили достаточно времени с бабушками, тетями или дедушками, дядями. Впрочем, подобные проблемы встают и перед одинокими родителями. Считается, что ребенку лучше узнать о сексуальной ориентации родителей либо в раннем детстве, либо гораздо позже — во взрослом возрасте. Наиболее либерально к подобным семьям относятся в Бостоне, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Чикаго и прилегающих районах. Самые «нетерпимые» штаты — Виржиния, Тенниси, Северная Каролина. Существуют и специальные организации поддержки, например — КОЛАЖ — COLAGE (сокращенно — Дети Лесбиянок и Гомосексуалистов Везде). Аргумента-

ция сторонников разрешения гомосексуальных браков сводится к тому, что если гомосексуальный промискуитет привел к столь отрицательным последствиям как СПИД, почему бы не способствовать большей стабильности и не разрешать браки между гомосексуалистами и лесбиянками. Но в 1996 г. Конгресс США одобрил закон, который разрешает штатам не регистрировать гомосексуальные браки. Последние не всегда получают льготы, адекватные традиционным бракам. Правда в некоторых местах, например, Нью-Йорке, гомосексуальные партнеры, не регистрирующие отношения, пользуются теми же льготами, что и подобные гетеросексуальные пары.[156]

* * *

Один из современных примеров классификаций гетеросексуального брака может быть почерпнут из весьма нашумевшей книги о «хорошем» браке Дж. Валлерстайн.[157] Наряду с романтическим браком, основанном в первую очередь, на сексуальных отношениях, браком-спасении, когда партнеры стремятся к отношениям, которые помогут им «излечиться» от ран прошлого, или браком двух незрелых индивидов, существует (наиболее распространенная среди среднего класса) категория «дружеского» брака (companionship). Его ключевыми элементами являются доверие и дружба, внимание акцентируется на качестве отношений, близости, взаимности, общении. Часто в подобном браке партнеры занимаются карьерой в более или менее равной степени, пытаясь найти баланс между требованиями работы, родительства и собственно брака. Валлерстайн считает (и, как нам кажется, справедливо), что перед любым браком последовательно стоят определенные задачи: эмоциональное отделение от семьи родителей, создание (посредством интимности) ощущения того, что они вместе, расширение семьи за счет рождения ребенка, преодоление проблем (болезнь и т.д.), разрешение конфликтов без расторжения отношений и пр. Немаловажными элементами считаются: совершенствование сексуальных отношений, которые устраивали бы партнеров, сохранение чувства юмора и идеалов прежних лет, когда был период ухаживания, поддержка друг друга, забота друг о друге. По данным одного из общенациональных опросов, в качестве первоочередных условий счастливого брака 90% назвали влюбленность, 84% — способность говорить о своих чувствах, 80% — сексуальную верность, 74% — способность относиться ко всему с юмором.[158]

Составные хорошего брака, которые практически не изменились за

последние 25 лет — любовь, верность партнера, умение общаться, романтичность, чувство юмора, схожие идеи по поводу воспитания детей (причем собственно наличие детей менее принципиально — на последнем месте), хороший секс, близкие представления по поводу денег, понимание со стороны партнера. Единого рецепта для удачного брака не существует — свидетельство возросшей толерантности американцев.[159] Отчасти это основывается на убеждении, что кажущиеся, на первый взгляд, нестабильными, взрывными отношения, построенные на конфликте, на самом деле, могут оказаться вполне жизнеспособными[160], так как динамизм отношений дает возможность для каждого индивида расти. Бесконфликтные отношения могут рассматриваться как по меньшей мере странные и неискренние.[161]

Среди часто упоминающихся нашими респондентами элементов счастливого брака: умение воспринимать происходящее с юмором, близкие установки по поводу воспитания детей (при том, что сам факт наличия детей считается важным лишь половиной опрошенных, — согласно противоположной точке зрения, рождение ребенка привносит колоссальный стресс, а в неблагополучной семье приводит только к усугублению конфликтов), способность говорить о своих чувствах. Одинаковое или сопоставимое социальное происхождение было отмечено лишь 1/3 респондентов. По данным опроса Гэллапа 1981 г., основополагающий элемент удачного брака — верность (93% опрошенных), 90% — взаимное уважение, 86% — понимание.[162]

И по сей день брак в Америке часто оценивается с точки зрения того, насколько он стабильный и насколько счастливы супруги (и семья в целом). Согласно многим репрезентативным опросам, американцы 1990-х, в общем, довольны выбором, который они делают в личном плане: лишь треть респондентов говорят, что иногда (или даже часто) встречают человека, с которым семейная жизнь могла бы быть устроена лучше, чем с существующим партнером.[163] Опрос читательниц Лэйдиз Хоум Джорнел 1988 г. продемонстрировал, что большинство из них повторили бы выбор супруга, при том, что более 2/3 вовсе не считают, что к свадебному алтарю их привела любовь с первого взгляда.[164]

Наши респонденты отметили такие положительные черты брака как способность делиться друг с другом всем и делить радости и горести, а также разделять чувства и интересы друг друга (sharing), взаимопонимание и способность общаться друг с другом (communication), честность, чувство юмора и умение веселиться. Собственно любовь заняла промежуточное положение (на третьем по частоте

упоминания месте) в системе ценностей, характеризующей удачные супружеские отношения. Это несколько противоречит результатам других опросов. Определенное значение имеет динамизм отношений и возможность роста для каждого индивида. Сексуальные отношения и религиозность были перечислены лишь небольшим числом респондентов. Что же касается отношений, не оформленных как супружеские, то на первом месте также оказалась способность разделить вместе жизненные радости и тяготы, несколько большее значение придается любви, третьими наиболее часто отмеченными моментами были чувство юмора и умение радоваться, веселиться (fun), а также взаимопонимание и успешное общение друг с другом. Также были названы: хороший секс, религиозность и положительное развитие отношений. Принципиальных отличий в отношениях людей, состоящих в браке и живущих вне брака, отмечено не было.

Поскольку американцы много внимания обращают на стресс, наличие общего положительного эмоционального климата в семье становится особенно важным.[165] Для того, чтобы дом объединял людей, необходимо по мере возможности исключать те элементы времяпрепровождения, которые не подразумевают совместной деятельности, в первую очередь, телевидение. В противном случае семья теряет контроль над временем, и ей становится все сложнее реализовывать свои установки и отвечать культурным стереотипам. Возникает ощущение неадекватности, появляются мысли, что кто-то где-то (или даже просто соседи — как говорят американцы, The Joneses, Ивановы) живет лучше. Как очередное открытие 1990-х подается акцентировка quality time — времени, которое удается провести вместе. На бытовом уровне это означает, что если у вас есть возможность побыть вдвоем, не стоит смотреть телевизор, а лучше поговорить. Несколько большее внимание уделяется романтичности, ощущению новизны, незначительным проявлениям внимания: жестам, улыбке, запискам, оставленным на телефоне, в ванной комнате или на кухне, лишнему звонку, ласкательно-уменьшительным именам, маленьким подаркам или сувенирам, не обязательно приуроченным к какой-либо дате, ужину вдвоем при свечах дома или выходу в ресторан.

В современной Америке среднего класса считается нормальным принимать совместные решения по поводу финансовых вопросов (страхование, финансовое планирование в целом, распределение бюджета, оплата счетов, отпуск). Согласно популярному мнению, дети и деньги — основные камни преткновения в браке. По

данным опроса Вирджинии Слимс Полл, из того, что люди хотели бы исправить в браке, на первом месте оказались: финансовая ситуация — около 40% для представителей обоих полов; количество времени, которое супруги проводят вместе; стиль общения и распределение домашних обязанностей — 28% для женщин и всего 11% для мужчин. Гораздо больше удовлетворения супруги испытывают в отношении воспитания детей, секса.[166] Хотя по другим опросам, многим трудно одновременно «оптимизировать» брак и детей, при том, что с рождением наследников появляется и цель, ради чего сохранять брак. В любом случае цементирующим началом для жизни семьи в целом должна быть гармоничная жизнь супружеской пары. Именно поэтому в Америке 1990-х гг. все же нет однозначного решения вопроса, должны ли родители жертвовать своим комфортом ради детей и ставить под угрозу качество своих взаимоотношений, или, напротив, на первое место ставить судьбу брака.

«Терапевтический» подход к браку

Многие американские общественные деятели и ученые в последние пять — семь лет буквально объявили крестовый поход против так называемой «культуры развода». С точки зрения ее политического значения, антиразводная кампания устраивает как правых, которые видят в ней возможность отстаивать идею индивидуализма и государственного невмешательства в дела семьи, и левых, которые обращают свой гнев на разлагающийся средний класс. Феминистки также осуждают эту практику, утверждая, что именно женщины больше теряют при разводе, хотя они же его в большинстве случаев и инициируют. Единственная сторона, которая непременно страдает, это — дети, судьба которых и вызывает больше всего озабоченности.

Подобное внимание к проблеме развода вызвано еще и тем, что согласно укоренившемуся мнению, обязательства индивида, вступающего в брак, исходят, или должны исходить из чувств, которые, в свою очередь, должны быть открытыми, честными и ясными обоим партнерам. Такая ясность едва ли возможна без внутренней свободы и практически непререкаемой уверенности в себе, что собственно и пропагандируют сторонники так называемого «терапевтического» подхода к межличностным отношениям вообще и браку в частности. Полное при- ятие себя и независимость от

общих стандартов становятся необходимыми и достаточными условиями для значимых отношений с другими людьми. Но американцам, на наш взгляд, не всегда удаются полутона, поэтому во многом разумный «терапевтический» подход нередко оборачивается своей противоположностью и просто выхолащивает чувства. В своей крайней форме он вообще не подразумевает никаких обязательств в отношениях, подменяя их лишь открытым, честным общением партнеров, которым удалось реализовать свои собственные помыслы и желания, без какой-либо оглядки на окружающих. Ряд исследователей (Robert Bellah, Christopher Lasch) полагают, что подобный подход к семье и браку подрывает сами их основы (то есть понятия обязательств перед другими людьми, преданности), мешает нормальному развитию личности, поскольку базируется в первую очередь на идее независимости, автономности индивида и первичности его удовлетворения жизнью, даже в ущерб окружающим. По их мнению, лучшим решением всех проблем было бы возвращение к идее крепких общин (communities) и единого, четкого морального кодекса общества.

В Лэйдиз Хоум Джорнел уже 38 лет существует рубрика «Можно ли спасти этот брак» (Can this Marriage Be Saved), теперь, в духе времени переименованная в «Нужно ли спасать этот брак?» (что вызвало недовольство противников развода). Ежемесячно в ней публикуются репортажи о трудностях реально существующих семейных пар. Особенно заметно увеличилось количество рубрик и публикаций, посвященных «проблемным» семьям в 1970-е гг. Но тогда американцы еще не всегда охотно признавались в том, что обращаются к услугам специалистов по вопросам брачно-семейных отношений. Было принято прибегать к совету юриста или священника. Начиная с 1980-х гг., когда в США ментальное здоровье стало по значимости приравниваться к физическому, и исключительно высоко ценится душевный комфорт, американцы пытаются всеми силами избежать сколько-нибудь долгого пребывания в «проблемной ситуации». Все это, в купе с любовью к самоанализу и предпочтением использовать «готовые решения» (один из стереотипов в Америке заключается в том, что любая проблема однозначно решаема, если только отыскать и нажать правильную «кнопку») обеспечило прочную основу для еще большего распространения консультативных и терапевтических служб по проблемам семьи.

Как правило, среди ценных советов парам о том, как можно спасти их брак, не встретишь предложение поговорить друг с другом. Самое лучшее — сразу бежать к профессионалу. С начала 1980-х гг.

Американская Ассоциация Терапевтов Семьи и брака численно утроилась, и около 250 тысяч пар одновременно получают помощь. В 1990 г. Американская ассоциация консультантов по вопросам брака и семьи насчитывала 17 тысяч специалистов — вдвое больше, чем за десять лет до того.[167] По другой статистике к 50 тысячам семейных терапевтов (имеющих лицензии) обращается примерно 4.6 миллионов американцев в год. Тысячи пар участвуют в деятельности таких организаций как, например, ПАЙРЗ (PAIRS -Practical Application of Intimate Relationship Skills — Практическое Применение Навыков Интимных Отношений) или Ретрувай (Retrouvaille — программа, спонсором которой является церковь, и в которой семейные пары, вышедшие из кризиса, проводят семинары для супругов, испытывающих сложности в отношениях). Многие не могут правильно распределить деньги и время, кого-то не устраивает вариант семьи 50-х годов, кто-то просто считает необходимым улучшить общение (improved communication). Качество предлагаемых консультаций может быть очень разным, расходы на них иногда частично покрываются страховыми компаниями (их стоимость достаточно высока — около двух тысяч для каждого человека, а консультирование может продолжаться до нескольких месяцев). Хороший психотерапевт только подсказывает как договориться. Подобное консультирование может быть дано и парам, живущим вне брака или собирающимся вступить в брак.

В ряде церковных общин, особенно в небольших городах страны, существуют специальные программы, рассчитанные на подготовку молодых людей к вступлению в брак. Так, 26 деноминаций приняли стандартную добрачную процедуру, предлагаемую жениху и невесте. Например, католическая церковь, которая раньше давала лишь одну консультацию будущим супругам, теперь проводит цикл консультаций (продолжительным считается обращение в церковь или в специальную службу при церкви более, чем три раза). Составляются специальные «инвентарии» — опросник, направленные на то, чтобы будущие супруги могли проверить себя, осознать изменения в своей жизни, связанные с вступлением в брак, свою подготовленность к подобным переменам. В лютеранской деноминации наиболее важной признается сфера общения, коммуникации: взаимное внимание, время, которое жених и невеста проводят вместе (включая и то, где именно они общаются — в машине, за едой, на свидании или просто разговаривают друг с другом); принятие решений; вопрос, кто «контролирует» разговор — он или она; темы, чаще всего возникающие в разговорах; тактика споров и разреше-

ния конфликтов и, наконец, как партнер оценивает те мотивы, которые руководят другим при решении вопроса о создании семьи (желание остепениться, финансовый момент, стремление иметь детей, поиск жилья, желание оставаться счастливым и пр.) Особый раздел рекомендаций прихожанам посвящен непосредственным ожиданиям от брака и трезвой самооценке — «ведь молодожены часто как бы смотрят в туннель»: люди должны ответить себе, что им хотелось бы изменить во внешности партнера, какие привычки раздражают, как решать вопросы, связанные с употреблением алкоголя и наркотиков, каковы планы относительно детей, их числа, времени, сохранится ли романтика «свиданий» в браке, что желательно, распределение будущих обязанностей (начиная от содержания машины и стирки и заканчивая духовным лидерством и инициированием секса). Другие разделы освещают вопросы финансов, интересов и увлечений (сюда входит, к примеру, тот стиль, который предпочтет партнер при оформлении дома или квартиры, ведь новое совместное жилье и планы его скорейшего приобретения или аренды — важнейший символ начала семейной жизни), самооценка и оценка характера и личности партнера, эмоциональные проблемы, вопросы сексуальных отношений, включая планирование семьи, отношение к супружеской верности; отношения с родственниками мужа и жены; религиозность.[168] В 1990-е гг. возросла роль церкви и в сохранении брака: «мы предотвращаем плохие браки.[169] «Если в задачу церкви входит связывать пары навеки, церковь должна предоставлять больше помощи, как до, так и после заключения брака», — заявил национальный лидер движения за активное участие церкви в проблемах семьи Майкл МакМанус, автор книги «Спасители брака».[170]

Так называемая «психотерапевтическая среда», в которую погружены представители среднего класса, всячески способствует тому, что взрослые американцы, исследуют, обсуждают, раскрывают тяжелые переживания детства — факты насилия в семье, инцеста, пытаясь освободиться от них.[171] Подчас эта попытка оживить так называемые подавленные воспоминания (repressed memories) заходит слишком далеко: леденящие душу случаи из прошлой и настоящей жизни преподносятся публике на бесчисленных телевизионных ток-шоу, когда их участники (в большинстве своем женщины) делятся казалось бы самым сокровенным с ведущим и аудиторией. Нередко взрослые дети под влиянием гипноза или других методов начинают обвинять ни в чем не повинных родителей в сексуальных преследованиях, случаях насилия. Одна 12-летняя де-

вочка из Нью-Йорка обвинила своих родителей в том, что ....они произвели ее на свет, будучи людьми некрасивыми и обрекли ее тем самым на страдания...

В 1970-е гг., когда шла речь об оказании помощи проблемным семьям, основная посылка заключалась в том, чтобы рассматривать семью как систему, а корни проблем искать в межличностных отношениях. Тогда считалось, как утверждала в интервью с автором М.Уолтерс, глава Центра практики семейной терапии в Вашингтоне, что на женщину должно и можно возлагать основные надежды и требования в плане оказания эмоциональной помощи и поддержки другим членам семьи. Это аргументировалось тем, что женщины, как правило, отвечали за поддержание связей с родными и друзьями (включая родственников мужа), за создание теплой семейной атмосферы, они выступали практически как единственные хранительницы очага. Современная тенденция в семейной психотерапии — усиление внимания к гендерным вопросам. Активное участие в пропагандировании такого подхода принял «Женский проект в семейной терапии» (Women's Project in Family Therapy). Все больше специалистов видят свою задачу в том, чтобы помочь мужчинам научиться (у женщин и друг у друга) принимать на себя «равноценную» роль в семейной жизни, что, в свою очередь, должно привести к тому, что можно будет максимально эффективно использовать гендерные различия.[172]

Принципы постоянства брака и моногамности в их современной интерпретации

Раньше самым негативным аспектом развода считались его внешние последствия — реакция окружающих. Стереотип респектабельности (внешней) не позволял многим расторгнуть брак, их не устраивающий: «приличные люди не разводились». И именно в этом сейчас американцы видят причину того, почему многие их родители были несчастливы, изменяли друг другу. Исторически процент разводов неуклонно рос, периодически делая скачки в конце прошлого столетия и после обеих войн нынешнего века. В Новом Свете браки всегда отличались меньшей прочностью, чем в Старом. Томас Джефферсон писал, что «свобода развода предотвращает и излечивает домашние споры и, следовательно, сохраняет

свободу симпатии». Уже в 1859 г. появилась книга «Как развестись».[173] Наиболее резкий рост разводов пришелся на 1960-е гг., достигнув беспрецедентно высокой отметки в 1981 г., (с тех пор количество разводов не росло, но так или иначе половине браков угрожает расторжение). Общественный деятель консервативного толка и ученый Барбара Уайтхед полагает, что именно тогда в американском обществе произошел сдвиг от обязательств по отношению к другим к обязательствам по отношению к себе. Новым критерием «здоровья» брака стала его эмоциональная насыщенность, способность стимулировать индивидуальное воплощение и личностный рост, одним из способов достижения чего и была серийная моногамия. Прежние санкции на сохранение брака утеряли свое значение. Развод перестали воспринимать как социальный акт с социальными последствиями, разрушительными для детей. В 1962 г. 51% опрошенных сочли, что если родители не ладят, они не должны оставаться в браке из-за детей, в 1985 г. — 82%[174]. Социологами и психологами активно пропагандировалась идея о том, что проблемные отношения между супругами не должны были сохраняться искусственно, и что развод в таких случаях шел на пользу всем членам семьи, даже детям. Юридически подобная концепция получила оформление в принципе развода за «отсутствием вины [супругов]», законодательно принятом в 1970 гг., в известном смысле отражавшем идею, что редко бывает виновна лишь одна сторона.

К 1990-м гг. значимость брака как института прочных, долгосрочных отношений возросла, и развод вновь стал не в моде. В горячих дебатах о том, что считать за полноценную модель семьи, все-таки одерживает верх точка зрения, что оптимальная модель — это два родителя и их дети, соответственно среди американцев активно проявляется стремление предотвращать разводы и сохранять брак (интересно, что по данным 1990 г., женщины чуть менее склонны сохранять неудачный брак ради детей[175]). Политически корректным стало приветствовать подобную модель, не ущемляя достоинств и преимуществ других форм бытия. Четверть из той половины наших респондентов, которые ответили на вопрос об ожиданиях от брака, уже заключив его, отметили элемент постоянства как решенный для себя вопрос; из тех, кто не были замужем или женаты, 1/3 отметили постоянство в браке среди своих ожиданий. Расторжение брака снова не рассматривается с точки зрения интересов только супружеской пары (подход, характерный для 1970–1980-х), а в контексте влияния развода на семью в целом и детей. Считается, что

хотя нельзя однозначно характеризовать таких детей как проблемных (в отличие от прошлого, когда детей расторгнутого брака могли априори расценивать как неблагополучных), потрясения, неминуемо испытываемые ребенком при разводе родителей, могут иметь негативные последствия в дальнейшем, привести к делинквентному поведению, психическим расстройствам.

При всей риторике американцев о собственной независимости, большое значение для формирования представлений индивида о его (или ее) будущей семейной жизни имеет опыт родителей. Согласно ряду исследований, развод родителей и ориентации в своей семье находятся в прямой зависимости друг от друга.[176] Но есть и противоположная точка зрения: факт развода родителей (особенно, если он стал серьезной травмой для ребенка), напротив, заставляет человека более ответственно отнестись к выбору партнера и возможно быть более ориентированным на прочный брак, что, кстати, подтвердили ответы наших респондентов: «я не хочу, чтобы моим детям пришлось пройти через то же, что и мне» — заявили несколько человек в наших беседах. Поскольку нынешнее поколение молодых американцев первыми испытали на себе воздействие возросшего числа разбитых семей (как и того обстоятельства, что все больше женщин работают вне дома), неудивительно, что они планируют проводить больше времени со своими детьми, не столько из-за того, что им лучше удастся найти баланс между работой и домом, сколько из-за того, что им самим не хватало внимания со стороны родителей. «Мое поколение будет семейным поколением».[177] Согласно наиболее свежим данным Национального Центра по статистике здравоохранения (National Center for Health Statistics), 47% разводов происходят в браках, где нет несовершеннолетних детей.[178] Уже упоминавшаяся нами Дж.Валлерстайн, профессор школы социального обеспечения при университете в Беркли (School of Social Welfare), начала исследовать судьбы детей разведенных родителей еще в 1970-е гг. и «не видела ни одного ребенка, который бы хорошо адаптировался к разводу, и ни одного ребенка, для которого развод родителей не стал бы центральным событием их жизни..., а у половины из них во взрослом состоянии есть проблемы, которые они увязывают с разводом».[179] В то же время Ф.Фрастенберг по-прежнему утверждает, что «в целом последствия развода бывают либо незначительными, либо умеренными».[180] С.Кунтц полагает, что сохранение дисфункциональных семей может приводить к случаям насилия в семье. Возникает вопрос, как быть с теми семьями, которые не попадают под категорию полных семей,

(в первую очередь, семьи, созданные в результате повторного брака и одинокие родители), и тем не менее функционируют нормально.[181] Валлерстайн полагает, что современный брак держится лишь за счет внутренних ресурсов — ни церковь, ни община не играют прежней роли гарантов в его сохранении.[182]

Молодые американцы хотят, чтобы у них было то самое «качественное время», которого так недоставало в детстве, и чтобы его было много. Ориентирами служат бабушки и дедушки, «гораздо более серьезные и консервативные», чем родители. Правда при всем недовольстве родителями, 44% все же хотели бы «повторить» семейный опыт последних.[183] Пол Крамер, автор книги «Уходить ли Вам»[184] резонно считает, что излишняя требовательность к браку и партнеру — тоже крайность, как и излишний акцент на независимость, провозглашенный в одноименной Декларации.

Если раньше, до 1970-х гг., простое признание несовместимости не фигурировало априори в качестве основания для расторжения брака, то в 1990-е гг. оно лишь свидетельствует о том, что брак в принципе может быть сохранен.

При высокой брачности разводимость остается достаточно высокой: в 1993 гг. было заключено 2.3 миллиона браков и произведено 1.2 миллиона разводов (последняя цифра продолжает оставаться близкой к рекордно высокой, которая была зафиксирована в 1981 г.[185] Высокие ожидания от брака во многих случаях неминуемо приводят к разочарованиям и .... разводу.

* * *

Внешние нормативы, касающиеся ценности брака и семьи и их составляющих (продолжительность, эксклюзивность) ослабли. Предполагается, что сохранение прочных семей должно происходить как бы за счет ее внутренних ресурсов. Институт брака и семьи в 1990-е гг. характеризуется значительно большим разнообразием по всем показателям, чем в 1950-е гг. В известном смысле разрыв между мифом и реальностью сократился, правда не настолько, чтобы нельзя было говорить о самом существовании мифа.

Общая тенденция к сохранению семьи и распространение СПИДа послужили поворотным пунктом в укреплении идеи моногамности. Проинтервьюированный нами в 1990 г. пастор лютеранской церкви в небольшом городке Миддлтаун (штат Пенсильвания) заметил: «Люди все меньше хотят рисковать». В 1950–1960-е гг. в случае измены со стороны одного из супругов брак мог быть сохранен, но отношения между мужем и женой могли превратиться в

формальные, часто исключали физическую близость. Еще в 1970-е гг. превалировал двойной стандарт по отношению к неверности, и то, что дозволялось мужчинам, практически никогда не дозволялось женщинам. По данным тех лет, почти половина мужчин и около четверти всех женщин к 40 годам имели хотя бы одну связь помимо брака. Было принято «рационализировать» измену сексом. В случае измены брак либо с большей легкостью расторгался, либо сохранялся, но с меньшей эмоциональной и психологической травмой для одного или обоих супругов. В 1974 г. 58% 18–29-летних американцев посчитали измену негативным явлением (сегодня в этой же возрастной группе осуждающих измену 74%, современная молодежь вполне добропорядочна).[186] В 1980-е гг. бытовало мнение, что примерно половина мужчин и 40% женщин изменяли своим супругам. Согласно ряду опросов, тогда более половины американцев были уверены, что мужчина вполне мог бы завязать отношения с какой-нибудь женщиной, если бы он был уверен, что его «не поймают»; чуть меньшее число относило это к женщине. Но, конечно, это были не сами респонденты: 72% не могли представить себя в подобной ситуации.[187] По данным, приводимым в работе Д. Байрона «Как иметь счастливый брак», можно судить о том, что в 1980-е гг. представители низших категорий населения и более обеспеченных слоев общества примерно одинаково относились к проблеме неверности, резко порицая подобное поведение в теории, более спокойно принимая его на практике. К наиболее консервативным и тогда можно было отнести американцев среднего класса, однако и среди них, по результатам опросов, 60% мужчин и 47% женщин имели по крайней мере один роман вне брака. В то же время около 90% мужей и 70% жен не простили бы супругу измены.[188] Байрон считает, что люди изменяют для того, чтобы получить отвлечение от рутины, вспомнить романтику молодости, отомстить. Жены могут таким образом доказывать мужьям свою привлекательность, а мужчины таким образом могут обращать на себя большее внимание. Измена иногда помогает заполнить эмоциональный вакуум, спасает от скуки, а может представлять собой и способ прекратить брак. Эта тема столь активно обсуждается средствами массовой информации, что возникает впечатление будто массовая культура искушает американцев.[189] Современные специалисты считают, что человек, изменяя, чего-то ищет, — лучшей сексуальной жизни, понимания, внимания, восхищения и пр. Сейчас приобрела популярность биологическая теория измены, объясняющая этот феномен желанием и стремлением мужчин «размно-

жаться» или же высоким уровнем гормона (тестостерон), что характерно для мужчин с высоким статусом и большими деньгами — неудивительно, что у столицы США еще с прошлого века — прочная репутация развращенного общества. При всем вышесказанном, первое национальное исследование «Любовь и верность», проведенное среди семейных американцев, наряду с данными агентств General Social Surveys, NORC послужившее основой книги «Верное влечение» (игра слов «Faithful Attraction» и «Fatal Attraction» — Фатальное влечение) в 1988 г. показало, что американцы — верные семьянины: 91% женщин и 89% мужчин не изменяли друг другу. 3/4 опрошенных согласились с тем, что супружеская верность очень важна для счастливого брака.

Современные женщины придают верности больше значения, чем двадцать лет тому назад. Если судить по установкам наших респондентов, то это не зависит от продолжительности отношений (что противоречит выводам многочисленных исследований о том, что так называемые средние годы брака являются наиболее сложными). Они хотели бы придерживаться принципа моногамии, считая, что измена подрывает сами первоосновы отношений и может служить основанием для их расторжения (а в браке — развода). Некоторые американцы в разговоре утверждали, что в их отношениях честность делает возможным не придерживаться принципа моногамии, так как, якобы ни один человек не в состоянии хотя бы раз не удержаться от желания изменить. Подобный разброс мнений, как нам кажется, отражает картину на национальном уровне, с явным численным перевесом сторонников моногамии.[190]

Единоразовая измена может быть встречена с пониманием и рассматриваться даже как элемент роста, развития, совершенствования, перемен, столь важных понятий в современной «семейной» риторике американцев. Наряду с этим продолжительная связь во многих случаях приводит к разрыву или разводу. Тем более, что все больше психиатров, консультантов по вопросам брака и пр., считают: измена далеко не всегда сводится к сексу. «Суть «романа» — новый уровень интимности, секретности, которая должна быть защищена, прибегая к нечестности». На сегодняшний день самой глубокой считается измена не плоти, а сердца.

Очевидно и то, что отношение к проблеме моногамности прошло тот же путь, что и некоторые другие ценностные ориентации в области сексуальных отношений — от чрезвычайной строгости 1950-х и вседозволенности 1970-х[191] к некоему конгломерату ценностей 1990-х. Американцы задаются вопросом, до какой степени можно

сомневаться в «добродетели» моногамии, не боясь нанести серьезные повреждения социальной ткани общества. В прессе периодически появляются публикации в защиту моногамности как априорного и прогрессивного с точки зрения развития человечества элемента семейных ценностей.[192]

Крупный специалист по проблеме неверности, антрополог Х. Фишер также уверена, что американцы рассматривают свой брак как ненормальный, если у одного из супругов появляются «интересы на стороне». По ее данным, около 85% опрошенных считают, что и женщина, и мужчина, имеющие связь вне брака, совершают очень серьезный поступок, если не проступок. Она убеждена, что этот показатель осуждения практически не меняется с течением времени, то есть сколько бы свободными не чувствовали себя американцы в плане сексуальных нравов и сколько бы свободными они ни казались в поведении (скажем, в 1970-е гг.), определенные табу в ценностных ориентациях, безусловно, сохраняются.[193] За двадцать лет число противников внебрачных связей (пусть даже на словах) несколько возросло: с 85% до 91%.[194] По данным некоторых опросов общественного мнения, в 1994 г. 94% семейных людей хранили верность.[195] В передаче Дэйтлайн 1995 г. общенациональной телекомпании ЭнБиСи было заявлено[196], что 73% мужчин и 85% женщин сохраняют верность партнеру.[197] Но другое исследование 1994 г. NORC зафиксировало, что 21,2% мужчин и 11% женщин хотя бы раз за жизнь изменяли мужу, и 3,6% и 1,3% — в течение последнего года. 51% считают, что сейчас внебрачные связи более распространены, чем 10 лет тому назад; 27% думают, что распространенность неверности остается на прежнем уровне. 36% говорят, что среди тех людей, которых они знают, некоторые или большинство изменяли друг другу; 37% утверждают, что таких мало. Около 16% могут вспомнить на своем счету по крайней мере одну измену, 3–4% — каждый год, мужчины — в два раза чаще, молодые люди — чаще. 70% женщин и 54% мужчин не знают об изменах, но предпочитают узнать все сразу.[198]

Применительно к проблеме сексуальных отношений (будь-то добрачные или внебрачные связи) всегда существует определенный разрыв между установками и реальным поведением, как и проблема искренности ответа. Тем более, что, на наш взгляд, моногамность отношений является неким распространенным идеалом, прочно сохраняющимся стереотипом нравственности, в независимости от того, так ли строго его придерживаются на практике. Еще в начале 1980-х гг. журналистка А. Флеминг обнаружила шесть наи-

более частых заблуждений относительно измен и внебрачных связей: восприятие неверности как неизбежности (по ее мнению, выход из ситуации, кажущейся тупиковой, может быть найден через самоконтроль и сдерживание своих стремлений); нежелание узнавать о факте измены (тогда как тактичное и умелое объяснение может помочь разрешить создавшуюся проблему); убеждение, что измена свидетельствует об отсутствии любви к супругу (индивид может быть одновременно увлечен одним человеком и оставаться сильно привязанным к другому, к тому же привлекательность «связей на стороне» в значительной степени обусловлена тем, что любовники, как правило, не предъявляют претензий и не выдвигают лишних требований). Флеминг полагает также, что наряду с радостью, секретность и таинственность внебрачных романов ведет к стрессу, возникает стремление винить себя в измене партнера, тогда как это является ее/его выбором, восприятие измены как свидетельства окончания брака (проявление супружеской неверности может послужить шоковой терапией, которая поможет супругам выслушать друг друга, возможно, впервые за многие годы совместной жизни).[199]

Раньше американцы часто видели корень зла в работе, полагая, что мужчине трудно удержаться от того, чтобы не начать ухаживать за симпатичной коллегой или подчиненной. Особенно распространены были «служебные романы» как раз в 1980-е гг., среди представителей исполнительных должностей, которые. нередко заключали повторные браки с так называемыми «трофейными женами» (trophy wife). По одному опросу тех лет, 56% женщин признавались, что у них был или есть роман с кем-нибудь на работе.[200] Несмотря на эру жесткой борьбы с сексуальными преследованиями, американцы признали — как отражено в последних редакциях правил поведения для сотрудников корпоративных компаний — что остановить человеческую натуру невозможно, и нельзя увольнять сотрудников за романы на работе. Еще недавно, несмотря на уже введенные регламентации относительно дозволенного поведения, чем больший пост занимал начальник, тем больше была вероятность того, что сотрудники просто закроют глаза. По статистике, чем моложе сотрудник, тем больше вероятность того, что он позволит себе завести роман на работе.[201]

Как блестяще продемонстрировала история (или истории) с президентом Клинтоном, супружеская неверность может грозить серьезными неприятностями, даже несмотря на то, что многие видят в скандале с Клинтоном и М. Левински не столько вопрос измены,

сколько лжи или подстрекательства к оной со стороны президента.[202] Даже если признать явный политический подтекст, определяющий моралистические изыскания, сам факт обсуждения подобных вопросов красноречиво говорит о специфическом духовном климате в стране. 50% говорят, что измена плоха, потому что аморальна, 25% — может разрушить брак, 17% — страх СПИДа и других заболеваний.[203] По словам активистки феминистического движения, «люди как бы пытались отменить ревность, но это не получилось, потому что желание быть моногамным в конечном итоге более прагматично, чем этично».[204] Одна чикагский психолог отмечает «обновленные обязательства по отношению к консерватизму и семейным ценностям».[205] Семейные консультанты советуют не принимать решение хотя бы месяц после обнаружения неверности. При этом многие из них утверждают, что не только лучшая, но и единственная политика в случае измены — честное откровенное признание, которое может даже укрепить брак — ведь интимность во многом означает и толерантность, и способность прощать. Однако сами потерпевшие не всегда готовы услышать правду. Юристы, напротив, считают, что иногда лучше промолчать, и все решится, а брак будет сохранен. Известнейшая американская журналистка, специализирующаяся по проблемам семьи и брака — Энн Лэндерс, чье имя давно стало нарицательным как рупор расхожих истин, также утверждает, что простить и забыть далеко не так просто. Лгать и скрывать оказывается несложно в основном потому, что люди просто не хотят знать правду. Неверного партнера легче «поймать» благодаря новым технологиям, в первую очередь, пэйджерам и сотовым телефонам. Но многие попадаются старыми способами: доверяют секрет другу, оставляют записки или телефонные счета в кармане, их уличает частный детектив и пр. В некоторых штатах сохранились весьма суровые законы из прошлого столетия, согласно которым уголовно наказуемы некоторые виды сексуальной измены, например, оральный секс.

У мужчин, которые изменяют чаще (хотя в молодых группах этот вопрос не ясен), частота измен прямо пропорциональна возрасту, у женщин «наиболее активный» период приходится на возраст от 44 до 53. Чаще изменяют жители больших городов, имеющие высшее образование или почти никакого образования, люди с небольшими доходами.

Положение женщины в обществе

и проблемы брачно-семейных отношений

Пожалуй, ни одна социальная тенденция последних десятилетий в США не занимала столь важное место в общественно-культурном дискурсе как колоссальные изменения в положении женщины. Прямым и исключительно важным результатом вовлечения женщин в общественное производство и распространения идей феминизма стало новое самовосприятие американок.[206] Но их требования к жизни настолько возросли, что и в 1990-е гг. около половины женщин все же считали, что жизнь мужчин «легче», что те пользуются более существенными преимуществами. Молодое поколение Америки 1990-х подчас воспринимают достижения женского движения как должное, хотя многие критики указывали, что феминизм так и не дал конструктивного ответа на вопрос, как сочетать роль женщины в семье и ее стремление к самореализации в общественной сфере. Парадокс заключается в том, что улучшение положения дел на работе (большее число профессий, открытых для женщин, уменьшение разрыва в уровне заработной платы в сравнении с мужчинами; возможность возглавлять свое дело) произошло за счет определенного осложнения отношений в семье и обострения проблем с детьми — особенно с точки зрения более пожилых американок.[207] Известно, что завоевания феминизма пробивали себе дорогу достаточно медленно: еще в 1975 г. 65% опрошенных сочли, что удел женщины — дом, тогда как общественная деятельность, а тем более дела государственного масштаба должны оставаться прерогативой мужчин.[208] Судя по результатам другого исследования, проведенного известной организацией опросов общественного мнения Ропер для сигаретной компании Вирджиния Слимз в 1974 г., 3/5 женщин в возрасте до 30 лет выступили за сочетание карьеры и семьи. Примерно то же число опрошенных посчитало развод лучшим вариантом для разрешения сложного брака, и лишь 1/4 при этом автоматически передали бы родительские права матери.[209]

Хотя большинство женщин среднего класса, как правило, оценивают феминизм в положительных тонах, сами феминистки нередко указывают на то, что у движения в итоге оказалось гораздо меньше ощутимых результатов, чем хотелось, (при том что 1970-е — начало 1980-х гг. были отмечены многими практическими действиями — групп самопомощи, приютов, горячих линий и пр.)[210], а представительницы так называемого поколения «экспериментаторов» (сейчас

им около 50 лет), пик активности которых пришелся на 1960-е гг., утверждают, что феминистское движение в чем-то обернулось против женщин, что сама идея абсолютного «приравнивания» женщин к мужчинам не оправдала себя.[211] Еще одним печальным последствием взлета феминизма явилось исчезновение элементарных проявлений вежливости и галантности со стороны мужчин. Современный феминизм весьма неоднороден, одна из его современных концепций — «феминизм различий» (difference feminism) гласит, что «феминизм равенства» (equality feminism) решительным образом изменил ожидания, ориентации женщин, но не смог пока изменить общество настолько, чтобы оно отвечало этим ожиданиям).[212] Яркий пример смешанных чувств американцев по поводу роли женщины и мужчины — общественная реакция на эпизод в фильме «Титаник», когда женщинам и детям предлагают спастись первыми. Почему женщинам, разве они слабее мужчин? Или они более нужны детям? Если так, то почему?

На уровне массового сознания и в среде профессионалов, занимающихся этими вопросами, постепенно все большее число черт характера принято (и во всяком случае «политически корректно») рассматривать как общечеловеческие и независящие от гендера, то есть андрогинные. Новым, пожалуй, является попытка не отрицать существующие различия между полами, а максимально эффективно их использовать, к примеру, в тех случаях, когда женщина занимает исполнительную должность. Современный феминизм как бы мягче своего предшественника, который рассматривал достижение равенства во всех возможных сферах как самоцель: в нем меньше доктринерства, это движение более реалистично.[213]

* * *

Расширение женской сферы за пределы семьи и дома нашло яркое отражение в СМИ. С 1960-х гг. начали выходить популярные издания, в которых приоритет отдается работе, самореализации и самосовершенствованию: «Работающая мать», «Работающая женщина», «Мисс», «Я» (Working Woman, Ms., Self) и другие. Не сошли со сцены и журналы более традиционного толка: некоторые из сегодняшних героинь журнала «Семейный круг» (Family Circle) работают, другие занимаются домом и детьми. К 1990-м гг. темп перемен, охвативших женское население США, несколько замедлился по сравнению с 1970-ми гг.[214], но 3/4 американцев (и мужчин, и женщин) считают, что роль женщины должна и еще будет меняться(вопрос — в каком направлении) — число сторонников этой точки

зрения продолжает увеличиваться: в начале 1990-х гг. их было уже чуть больше половины населения США.[215]

Ко второй половине 1980-х гг. американки в массе своей отбросили традиционный образ жены и матери 1950-х, у которой было мало интересов вне дома, равно как и антитезу этому образу — суперженщины начала 1980-х.[216] Миф о такой суперженщине, способной одинаково успешно реализовать себя на всех поприщах (не случайно в начале 1980-х большой популярностью пользовалась реклама духов, которые подойдут «24-часовой» женщине) явился закономерным этапом в эволюции ценностей, попыткой соединить феминистскую идеологию и традиционную роль женщины. Но и во время наибольшей популярности этого имиджа дилемма, какая сфера — общественная или частная — должна стать приоритетной, так и не была окончательно разрешена. Это нашло отражение во многих художественных фильмах того периода (например, знаменитый «Крамер против Крамера»). К 1990 гг. примерно треть американцев считали, что женщины не должны обязательно стремиться стать «суперженщиной», поскольку это приводит к стрессу и не оправдывает жертвы: женщина не только не может, но и не должна делать все сразу. «Теперь мы пытаемся найти нужную пропорцию».[217] Роль жены и матери продолжает оставаться предпочтительной для более 3/4 американских женщин. Разброс современных ценностных ориентаций и установок как самих женщин, так и ожиданий от них значительно богаче и сложнее, чем раньше. Эта модель теперь все чаще включает полную или неполную, постоянную или периодическую занятость, на всех или некоторых этапах жизненного цикла.

Определенная переоценка ценностей произошла благодаря тому, что была признана возможность самореализации через семейные отношения, несколько уменьшилось значение, придаваемое в обществе материальным ценностям. Вместе с тем в семьях среднего класса существенным экономическим стимулом к занятости по-прежнему является желание повысить материальный уровень семьи: например, купить вторую машину, отремонтировать дом, получить возможность путешествовать. В конце 1980-х гг. по данным Женского Бюро Министерства Труда США, средний дополнительный вклад в семейный доход со стороны женщины колеблется от 15 до 18 тыс. долл. в год, его средний максимальный уровень — 42 тыс. Согласно исследованию организации Каталист (Вашингтон), вклад замужних женщин в бюджет семьи составляет 41%.[218] Большинство работающих женщин отвечают, что они продолжали бы работать даже, если бы не нуждались в заработке. В 1938 г. 78%

американцев осуждали женщину, работающую вне дома, в 1986 г. результаты опросов стали прямо противоположны.[219]

Чем выше профессиональный и социальный статус женщины, тем больше она склонна утверждать, что работает не по экономическим соображениям, довольна своим родом занятий[220], и тем менее вероятно, что ее муж будет выступать против работы.[221] Именно этой категории американок лучше всего удается сочетать две роли, не делая их конфликтующими.[222] Правда, принципиально важные для карьеры шаги (повышение по службе, защита диссертации как правило, происходят либо до рождения ребенка, либо когда ребенок подрастает). Секрет кроется отчасти в возможности прибегать к высококачественным вариантам ухода за детьми. В 1980-е — 1990-е гг. сочетание работы (при полной занятости) и воспитания детей особенно характерно для хорошо обеспеченных выпускниц колледжа до 30 лет.[223] Психологическую причину увеличения числа работающих женщин можно сформулировать как стремление их избежать невроза от изолированности, однообразия домашней работы.[224] Концепция того, что она однозначно не должна работать, если муж в состоянии ее обеспечить, отвергнута многими слоями населения.[225] Напомним, что среди семей с детьми-дошкольниками в начале 1990-х гг. около 1/3 следовали традиционной ролевой модели и одну треть составляли семьи, в которых работали оба супруга.

В конце 1980-х всего 5% женщин порекомендовали бы своим соотечественницам никогда не работать[226], но это не означает, что «традиционные» женские установки и ориентации изжиты. Особенно эти настроения сильны в южных, более консервативных штатах страны. В 1980-е гг. 43% опрошенных в этом регионе предпочли материнство карьере, в отличие от 20% в Новой Англии. Среднезападные штаты занимают промежуточное положение. В 1982 г. в своем обращении к нации в День отца президент похвалил американских мужчин за выполнение роли кормильцев семьи, а законодательный орган штата Оклахома принял решение об изображении женщин в школьных учебниках в традиционном обличии домохозяек, что, впрочем, не распространилось на остальные штаты.[227] Своим выступлением в одном из наиболее известных женских колледжей страны — Уэлсли в 1990 г. жена президента Дж. Буша Барбара Буш, которая всячески превозносила добродетели матери и жены, вызвала очередной всплеск дебатов среди молодых американок по поводу того, что означает успех для женщины. Тогда же читательницы одного из старейших журналов для женщин среднего класса

Лэйдиз Хоум Джорнэл, пришли к выводу, что возможность жить в обществе, которое позволяет женщинам быть более эмоциональными, чем мужчинам, или же иметь возможность обращаться к мужчинам за финансовой или эмоциональной поддержкой составляли необычайно важные преимущества в жизни женщины. Среди самых обременительных забот оказались, в частности, необходимость быть «суперженщиной», дискриминация в оплате, неравные возможности с мужчинами.[228]

Достижения жены на поприще работы или карьеры радуют мужа в том случае, если у него самого хорошо идут дела; мужья часто обнаруживают, что они не готовы к спокойному восприятию того факта, что у жены более престижная работа. Хотя работающие женщины не оценивают себя в соответствии с успехом своих мужей, общество по-прежнему часто обращает внимание на положение, занимаемое мужем. Сами женщины активно призывают к тому, чтобы изменить это мерило успеха.

Большинство американцев не считают занятость женщин с маленькими детьми лучшей альтернативой полноценному материнству. Мужчины нередко говорят: «хорошо было бы, если бы она не работала, а я бы смог один обеспечивать семью».[229] Важно делать различие между точкой зрения относительно работающей женщины вообще или же позицией, «разрешающей» работать женщине с маленькими детьми.[230] Ответы респондентов во многом зависят от оттенка сформулированного вопроса: к примеру, очевидные плюсы того, что женщина не работает, по отношению ко всем членам семьи, разделяются 46% американцев[231], но это не означает, что все эти респонденты категорически против факта занятости женщин.[232] Все большее распространение получает идея, что женщина имеет право выбора в отношении работы.

Женщины среднего класса, которые пытаются разумным образом сочетать или чередовать работу и заботу о семье, позже выходят замуж (в 30–35 лет), стремясь сначала обеспечить себя с финансовой точки зрения. Это, в свою очередь, дает женщине независимость, уверенность в себе и власть, а также большее право требовать определенные уступки со стороны будущего мужа. Они могут достичь значительного уровня зрелости, что, по их мнению, особенно важно для воспитания будущих детей. Эти женщины стремятся не просто к достижению равных возможностей для полов, они не только вошли в мир мужчин, но и захотели привнести в него свои идеи и свое мироощущение. 20-летние американки 1990-х гг. хотят хорошей карьеры, удачного брака, 1–2–3 детей, надеясь, что им

удастся найти некий здоровый баланс между семьей и работой. Выбор своего жизненного цикла — в известном смысле нарождающейся нормы для представительниц среднего класса — может явиться полным отрицанием жизненного пути их матерей. Опыт старших сестер, усилия которых были направлены либо на достижение карьеры, либо на то, чтобы в равной степени успеть все, кажется нереальным.[233]

Меньшее количество рабочих часов, помогающий муж, возможность работать ближе — вот что могло бы помочь женщинам. Как ни странно, даже если, по признанию самих женщин, семья страдает из-за их работы, общая удовлетворенность жизнью остается высокой.[234] В 1990-е гг. женщины более критически относятся к мужчинам, чем за 20 лет до того, обвиняя последних в том, что они слишком ценят свое собственное мнение, что им просто необходимо принижать женщин ради поддержания собственного эго, что они смотрят на женщину и думают только о сексе. Женщины хотели бы сделать так, чтобы «мужчины могли выражать свои чувства», а также «понимать запросы женщин», «быть более чувствительными», «больше заниматься семьей», «воспринимать женщин как равных». Судя по опросам, сами мужчины достаточно хорошо разбираются в том, что бы женщины хотели изменить, хоть и не всегда согласны с ними. Мужчина новой эпохи (New Age) — порядочный, чувствительный, либеральный — и этим привлекательный для женщины.

Сейчас много разговоров о поиске новой самоидентификации для мужчин, которые якобы по-своему превратились в угнетенную группу населения. Так, лидер сторонников истинной маскулинности — Р. Бай — увозит таких же как он в леса, где настоящие мужчины стучат на барабанах, получая ощущение «дикого человека», «бойца». Феминаци, как окрестили их журналисты — так называемые сердитые белые мужчины, отстаивающие свою новую эксклюзивность и равные права — после развода и пр.

Полоролевое поведение американцев в семье

В начале 1990-х гг. примерно половина американцев и американок, согласно данным Вирджинии Слимс Полл, разделяла идею об очевидных преимуществах равного распределения обязанностей в браке, тогда как около 40% все же выступали за традиционный брак, когда женщина либо не работает вообще, либо, даже рабо-

тая, несет основное бремя забот по дому.[235] Настроения, призывающие к равноправию в ведении семейных дел, особенно характерны для работающих женщин. Понятие андрогинность постепенно входит в жизненную философию американцев, предполагая гибкость не только в том, как оценивать те черты характера и особенности поведения, которые традиционно считались чисто мужскими или чисто женскими, но и в том, чтобы следовать им. Современная модель эгалитарной семьи предполагает, что муж и жена совместно зарабатывают деньги (это, однако, не исключает варианты, когда жена решает в течение какого-то времени посвятить себя только дому и детям), совместно занимаются воспитанием детей и домашним хозяйством и совместно принимают решения. Теперь как бы не существует монополии одного или другого пола в какой-либо области.[236] По нашим впечатлениям и данным опросов, многие подростки 1990-х гг., похоже, окончательно приняли идею о необходимости совместного ведения домашнего хозяйства.

Известно, что для американцев откровенное обсуждение денежных вопросов подчас являет собой социально табуированный момент. Гораздо вежливее задать вопрос относительно того, есть ли у человека семья и дети, чем спросить о том, сколько он получает. Денежный аспект — один из ключевых вопросом власти в отношениях. Напомним, что по данным многих работ, наиболее частые разногласия в браке происходят из-за денег (согласно опросу агентства Ропер, пары больше всего спорят именно по поводу накопления и траты денег, расходов на домашнее хозяйство, на одежду[237]), за ними следуют различие интересов, сексуальное неудовлетворение, конфликты по поводу друзей и родственников, детей. До начала 1970-х гг. финансовые вопросы, как и другие принципиальные моменты, как правило, решались мужчинами, в независимости от того, был ли у жены собственный доход и каковым он являлся. Десять лет спустя американцы на теоретическом уровне признавали, что жена может зарабатывать больше мужа, но в реальной жизни у многих (в основном, мужчин) это вызывало недовольство и становилось причиной стресса.[238] Принцип первичной ответственности мужа за экономическое положение семьи разделяется многими американцами и в 1990-е гг., а вступление в брак может означать для мужчины принятие на себя обязательств по содержанию семьи. Но все же в семьях принято говорить «это — наши деньги», а не «мои» или «его». Свидетельством постепенного утверждения нового взгляда на механизм «деньги-власть» в семье является одно из новых веяний в американской жизненной философии, согласно ко-

торому благосостояние семьи (и особенно, его рост) может восприниматься окружающими не только как заслуга мужа при некотором вспомогательном участии жены, а как свидетельство того, что эти супруги «правильно выбрали» друг друга и «правильно распределили» совместные усилия, то есть это — их совместное достижение. Огромное значение имеет не столько доход женщины как таковой, а взгляд каждого из супругов на то, кто должен контролировать решение финансовых вопросов в семье. Вообще же комбинирование зарплат в той или иной степени практикуется почти во всех семьях «с двумя кормильцами». Однако, по-прежнему если для мужчин деньги по большей части олицетворяют его самореализацию и власть, то для женщины они скорее связываются с автономией и гарантированной самодостаточностью. Большинство супружеских пар и тех пар, которые живут гражданским браком совместно принимают все принципиальные финансовые решения. Женщины, однако, чаще занимаются непосредственной оплатой счетов. Из той половины наших респондентов, что ответили на вопрос о том, кто является кормильцем в семье: 60% назвали как себя, так и партнера/супруга, 30% — супруга/партнера. Показательно, что на вопрос о главе семьи, половина из ответивших выбрала вариант «никто», 15% — оба, 20% — супруг/партнер и 12% — сам респондент. Подобная терминология не очень модна, и противоречит «политической корректности».

Именно эгалитарные отношения в семье помогают мужчинам преодолеть прежние стереотипы, предписывавшие бросить все силы на зарабатывание денег. Наилучшим образом эгалитарность реализуется в тех семьях, где и муж, и жена заняты карьерой. Но она может достигаться не только за счет свободного подхода к распределению ролей, но и за счет их структурированности: главное — различные уровни функциональных связей супругов. Для двух работающих супругов может быть характерно и вообще нефиксированное распределение обязанностей. Как показывает практика, ассиметричное распределение ролей не означает автоматически, что кто-либо из супругов оказывается ущемленным. Примером более или менее гибкого подхода к распределению домашних обязанностей может послужить одна из семей, нами опрошенных: жена занимается 80% приготовления пищи, убирает квартиру, стирает (в машине); муж моет посуду (в посудомоечной машине) и убирает на кухне, осуществляет половину покупок, оплачивает счета, занимается работой во дворе и помогает воспитывать детей. В реальной жизни браки, построенные на принципе 50–50, встречаются не так

часто: то есть, на самом деле простое разделение обязанностей («ты готовишь сегодня, я — завтра») не получается, в результате чего приходится договариваться, подстраиваться. Правда среди молодых семейных пар желание «справедливости» в отношениях подчас приводит к тому, что перераспределение ролей опять же становится очень жестким: «день моешь посуду ты, день — я, и никак иначе». В семье некоторых наших респондентов вот уже 10 лет каждый стирает свои вещи сам. Практически в каждой семье наступает момент, когда нужно серьезно задуматься о том, как наиболее оптимально организовать распределение домашних обязанностей: так, при появлении ребенка остается меньше времени на то, чтобы вместе заниматься тем или иным делом, и принцип уравниловки терпит поражение.

Ряд специалистов по проблемам семьи и брака для поддержания здорового климата в семье предлагают отношения, при которых по крайней мере один из супругов (как правило, женщина), должен быть более ориентирован на семью, чем на работу. Неудивительно, что при подобном балансе женщины чаще, чем мужчины испытывают потребность побыть в одиночестве и заняться собой. Принципиальное значение имеет схожесть ожиданий супругов от брака, в соответствии с которыми может быть достигнут искомый компромисс и, следовательно, во многих случаях сохранен брак.[239]

Практически универсально признаны принципиальные изменения во взглядах на роль мужчин в семье. Согласно эгалитарной идеологии, муж должен не просто помогать жене, а разделять с ней заботы по воспитанию детей[240] и ведению домашнего хозяйства. Если в 1962 г. большинство женщин считали нереалистичным ожидать помощи от мужа, спустя двадцать лет лишь четверть тех же самых женщин думали также. В 1975 г. мужья работающих женщин ежедневно принимали участие в ведении домашнего хозяйства всего на 11 минут больше, чем их соотечественники, чьи жены не работали.[241]

В семьях, где оба супруга заняты карьерой огромное внимание уделяется независимости каждого из партнеров. В начале 1980-х гг. большинство пар, в которых оба супруга делали карьеру, признавали одинаковую важность работы для жены и мужа, но на практике руководствовались более традиционными представлениями о распределении обязанностей.[242] 2/3 американцев считали, что именно жена должна пожертвовать своей работой и переехать вслед за мужем, в то время как лишь 10% женщин и 19% мужчин ожидали подобного поступка от мужчин; в общей сложности 37% женщин

считали, что для женщины важнее карьера ее мужа.[243] Теперь сторонники этой позиции оказались в меньшинстве (падение на 26% за 10 лет), если речь идет о том, что женщина должна будет отвергнуть подобное предложение.[244] В 53% пар не делается различий между карьерой его и ее.[245] Нам известным примеры, когда мужья сознательно отказывались от карьеры, бросив научную работу, ради научной карьеры жены. Но во многих случаях большая гибкость ожидается именно от жены. В качестве решения подобной проблемы вполне возможно раздельное проживание супругов (commuter marriage), тогда супруги воссоединяются на выходные.[246] Такие «пассажирские» браки характерны для политиков, высокопоставленных чиновников в компаниях, актеров, строителей.[247]

Судя по тому, что более 80% опрошенных нами откликнулись на вопрос, привыкли ли американские мужчины к новой роли женщин в обществе и семье, этот вопрос волнует многих. Мнения разделились поровну. По данным многих опросов примерно одинаковое число мужчин и женщин (около половины) выступают за брак с равным распределением обязанностей. Но число женщин, выступающих за равное распределение обязанностей, несколько сократилось. Примерно то же впечатление складывается и в результате устных вопросов и личных бесед.

Американцы окончательно не решили, с какими стандартами разделения труда в семье подходить к современным мужчинам и женщинам. Как сказал один из наших респондентов, «Конечно, среди моих сверстников из среднего класса принято говорить, что мы все делаем поровну. Но кто знает, так ли это...»; другая респондентка добавила — «из тех пар, которые я знаю, большинство производят впечатление семей с равным распределением обязанностей, но всегда остается вопрос, так ли это на самом деле». «Восприятие пар далеко не всегда соответствует действительности и их самооценке», подтвердил еще один респондент. Распространен и стереотип, что женщина делает больше под дому, чем мужчина. Когда организация Мэрит Репорт (Merit Report)[248] предложила общенациональной выборке респондентов вопрос о том, на кого должна быть возложена первоочередная ответственность за приготовление еды, лишь 13% респондентов назвали жену. Но на практике те же респонденты признали, что в 72% супружеских пар всегда или почти всегда готовит жена.[249] Известная исследовательница Л. Рубин заявляла: «Готова поспорить, что от подлинного равноправного деления гендерных ролей американцев разделяют поколения».[250]

Как правило, и мужчины, и женщины уверены в том, что каждый

из них делает больше, чем кажется партнеру. Нередко наблюдается неверное восприятие партнером ожиданий другого, при этом мужчины более адекватно оценивают ориентацию своих жен. Но в целом и те, и другие переоценивают традиционные установки друг друга. По данным прошлого десятилетия, мужчины хотели видеть себя более искушенными и значимыми в роли кормильца, точно так же, как чуть меньше 1/2 жен думали, что они лучше мужчин разбираются в вопросах ведения дома и воспитания детей, то есть представители и того, и другого пола высоко ценили свои способности к выполнению традиционных ролей. С 1965 по 1980 гг. общий процент занятости мужчин в домашнем хозяйстве возрос с 20% до 30%, как показало национальное исследование ежедневников, где люди обычно записывают свой распорядок дня.[251] По другим данным того же времени, 90% работающих американцев и американок согласились с тем, что ответственность за воспитание детей должна быть возложена на обоих супругов, но всего 36% могли отметить это на практике.[252] 41% женщин по данным опроса Вирджинии Слимс Полл, отвечая на прямой вопрос, кто занимается домашним хозяйством, указали самих себя, еще 41% отметили, что им в какой-то степени помогает муж, 15% могли похвастаться равным разделением домашних обязанностей, а 2% даже признали больший вклад мужа.[253] По результатам опроса, проведенного тогда одним из женских журналов, 47% американских мужчин (в возрастной категории от 25 до 34 лет) ходили в магазины, 51% готовили и убирали дом, 39% стирали.[254] Мужчины рассматривали свое участие в домашних делах как весьма существенное: 58% мужчин высказались за разделение домашних обязанностей, но только 1/3 из них реально помогали женам или же полностью брали на себя выполнение той или иной функции.[255] Мужья уже тогда затрачивали значительно больше времени на семью, детей, чем десять, а тем более двадцать лет тому назад, особенно в тех случаях, когда жена работала: к примеру, от 15 до 25 минут на непосредственное общение с ребенком до 2–3.5 часов на другие дела, связанные с воспитанием детей, или же от 2 до 5 часов на домашние дела.[256]

Но несмотря на этот очевидный прогресс, большинство дел по дому до сих пор лежит на плечах женщин: почти 90% готовки, 83% — уборки, 86% походов в магазины, 58% — оплата счетов, 17% — мелкий ремонт.[257] Это подтверждают исследования, говорящие, что мужчины тратят от половины до трети того времени, которое у женщин уходит на семью и детей. При этом значительно большее число мужчин, чем женщин отвечают, что они делят работу поровну.[258]

Степень задействованности мужа в домашних делах напрямую зависит от уровня образования: чем он выше, тем больше вероятность активной помощи мужчины по дому, вплоть до равного распределения обязанностей. Некоторые исследования показали, что на мужчин в основном влияет сам факт необходимости выполнять определенную работу по дому, тогда как женщин больше беспокоит действительно справедливое разделение труда.[259] Поэтому мужчины более склонны заниматься тем, что не требует ежедневного внимания, — мелким ремонтом квартиры или дома, работой во дворе (один из традиционных стереотипов — мужчина, постригающий газон), крупными покупками, планированием отдыха, развлечений, отпуска, в некоторых семьях — оплатой счетов. Среди факторов, положительно влияющих на степень вовлеченности мужчин в домашнее хозяйство, исследователи выделяют: наличие соответствующих мотиваций, навыков, социальную поддержку, возможность преодолеть общественные стереотипы и давление объективных обстоятельств, прежде всего, работы. Безусловно, что проникновение новых тенденций далеко не всегда происходит безболезненно.[260]

Так, раньше бытовал термин «карьерные или корпоративные вдовы» — те женщины, которые значительно страдали от чрезмерной загруженности своих мужей. Одним из следствий подобной ситуации стала тенденция излишнего перекладывания всей вины за проблемы в семье на отцов, что было особенно характерно для семейных терапевтов, занимающих феминистские позиции. Чрезмерная загруженность на работе но теперь уже обоих супругов препятствует общению. Но американцы придумали весьма удобное оправдание для семей с двумя работающими родителями: неважно, сколько времени ты уделяешь детям, важно, как ты его используешь. Так возникла теория качественного времени — quality time, хотя не совсем понятно, что же за этим стоит. Обычно это означает время, проведенное со смыслом — интенсивное общение, совместная игра, познание чего-либо нового. К тому же самоочевидно, что детям необходим размеренный распорядок, ритуалы, устои, чувство постоянства, доступности родителей. Однако все больше родителей, педагогов, психологов выступают за отмену этого понятия, утверждая, что дети, на самом деле, нуждаются в большом количестве времени. Известная американская исследовательница Арли Хохшилд в своей нашумевшей книге[261] пришла к выводу, что родители, на самом деле, с большей легкостью проводят время на работе, поскольку она ассоциируется с некоей размеренностью,

спокойными отношениями с коллегами, в то время как дома — постоянная гонка. Лишь небольшой процент людей, занимающих руководящие должности, использовали возможности работать неполное время, брать отпуск или работать на пару с другим сотрудником для того, чтобы проводить больше времени с семьей. Для людей, превративших свою жизнь в гонку, есть семинары типа: «Организуй жизнь своего ребенка», «Организуй свою жизнь», «Помощь в поиске няни», «Обеспечение домашней еды». Можно нанять профессионала, который подберет имя для будущего ребенка, чтобы максимально реализовать его потенциал или напишет за тебя письмо ребенку, который находится в лагере, причем сделает это так, что тот и не поймет, что писал посторонний.

Буквально в пику Хохшилд появились данные авторитетной организации Каталист, занимающейся изучением трудовых ресурсов и семьи: 35% основных кормильцев семьи сказали, то они могут в случае необходимости посидеть с ребенком, а 13% откажутся переезжать в связи с работой, если это будет противоречить интересам семьи. 2/3 мужчин и 3/4 женщин хотят иметь возможность контролировать темп своего карьерного роста, чтобы он мог быть замедлен по семейным обстоятельствам, но не нанося вред карьере. Около половины предпочли бы при повышении получить больше свободного времени, 25% мужчин уже имеют гибкие часы работы, а половина хотела бы их получить, при смене работодателя. Когда есть источник второго дохода, 2/3 мужчин и женщин с большей легкостью оставят неустраивающую их работу.[262] По сравнению с зарабатыванием на жизнь, созданием пенсионного фонда, поиск баланса между домом и работой стоит как самая острая проблема всего для 17% американцев в возрасте от 30 до 49 лет, воспитание детей — 19%.[263] Оппоненты Хохшилд утверждают, что подобная подмена ценностей более характерна для представителей высшего среднего класса, людей, ориентированных именно на карьеру, а не на работу. Другие исследования свидетельствуют о прямо противоположной тенденции. Искусственность ее конструкций иллюстрируется данными известного специалиста по использованию времени — Джона Робинсона и его коллег, которые считают, что у американцев на нынешнем этапе больше свободного времени, чем раньше, за исключением многодетных родителей или тех, у кого маленькие дети.

Главная причина «некачественного» проведения времени — телевидение. Максимальное воздействие телевидения достигается не только за счет чистого времени, которое проводится за просмот-

ром телевизионных программ — в среднем, 4 часа в день, но и за счет колоссального разнообразия телевизионных каналов и передач. Существует, к примеру, специальное кабельное телевидение для женщин — Лайфтайм. Воздействие телевидения до предела индивидуализировано, и оно перестало быть семейным времяпрепровождением. В семьях среднего класса как правило бывают два и более телевизоров (у половины детей есть телевизор в их комнате[264]). И хотя один из них почти наверняка будет стоять в «семейной комнате» (family room), совершенно не обязательно, что члены семьи смотрят его вместе, как это было принято раньше.[265]

Что касается эволюции телепередач, то в основе «любовного» сюжета сериалов или мини-историй произошло немного изменений: герой или героиня часто проходят испытание: «он» борется за любимую женщину, «она» отвергает «его» притязания, «они» противостоят давлению родителей или общества, в то время, как в художественных фильмах, как правило присутствуют напряжение и последующее разрешение традиционной любовной истории. Многие из героев и героинь порочны, сюжет часто бывает построен на «ожидании несчастья»: катастрофы или ловко скрываемого злого умысла.[266] Общеизвестно, что и по сей день есть некоторое разделение и телевизионных программ, и художественных фильмов на типично «женские» и типично «мужские». Женщины с грустью замечают, что при всем разнообразии жанров и форматов, в Америке до сих пор мало высококачественно выполненных сюжетов, которые бы включали характерные роли для главной героини или героинь.[267]

И все же телевидение чаще всего живо реагировало на социально-демографические перемены и часто шло параллельно с ними в преподнесении уроков нравственности. В начале 1980-х гг. в различных телеформатах могли быть изображены бездетные пары, семьи-общины, незамужние/неженатые американцы, воспитывающие детей и т.д. Вскоре на телевидении появились «идеальные» мужчины, заботливые, помогающие по дому, занимающиеся детьми. Интересно, что портрет идеального мужчины, подчас, даже подразумевает некое «переворачивание» ролей, то есть акцент делается на тех ролях, которые считались традиционными для женщин, но ныне не менее характерны и для мужчин. Это сосуществует с несколько иной тенденцией: несмотря на многочисленных работающих героинь, симпатии зрителя нередко обращены к женщинам, которые отдают приоритет семье (даже не бросая при этом работу). Одна из исследовательниц проблемы телевидения и се-

мейной тематики А. Пресс называет это «новой конгломератной идеологией, характерной для эпохи так называемого «постфеминизма».[268] Критике подвергается не общественная система, которая не оставляет женщине выбора: семья или работа, а конкретное поведение каждой женщины.[269] Кстати, по наблюдениям того же автора, женщины из среднего класса, обсуждая телевидение, весьма четко ассоциируют себя с героинями. Ситуацию выбора, стоящую перед некоторыми из них, зрительницы воспринимают как конфликтную: для современных молодых американок, на наш взгляд, непросто отказываться от бытующего в культуре «феминистского» идеала с его акцентом на независимость и автономность, а в то же время традиционная модель жены и матери в их глазах имеет свои преимущества. Последнее тому подтверждение — популярность еженедельной передачи, которая учит молодых женщин азам домоводства. За недавнее время аудитория ее удвоилась. Домовитость и уют вновь популярны.[270]

Но простого возвращения к базовым, традиционным ценностям не предполагается. Главное же, по мнению авторов телепрограмм, заключается в пропаганде любви, терпимости, защиты, теплоты на фоне мозаичности семейных форм.[271] Как в 1980-е, так и в 1990-е гг. многие передачи отображают тенденцию к интеграции самых разнообразных моделей семейного устройства в общую картину семей Америки, (к примеру, телевизионные семьи образованы в результате повторных браков), что отражает существующую демографическую динамику. В одном сериале героиня — вдова с тремя детьми; в «Полна коробочка» (Full House) трое мужчин воспитывают своих детей; две разведенных матери — (Kate and Allie) (правда, в восприятии зрителей одна из женщин скорее выполняет более маскулинную роль); еще одно шоу — о двух одиноких отцах — My Two Dads, и этот перечень можно продолжить. Кстати, телепродюсеры часто обращаются к образу неполной семьи, возглавляемой отцом. Еженедельный часовой сериал «Жизнь продолжается» (Life Goes On) не совсем обычен, не только в том, что речь идет о семье низшего среднего класса, но и потому, что один из детей в семье — умственно отсталый ребенок (на экране в основном фигурирует его здоровая сестра-подросток). Телевизионным идеалом все же остается нуклеарная семья, как правило, из представителей среднего класса — почти всегда есть несколько передач, в которых задействованы полные семьи, (в 1982 г. таким был сериал — Family Ties) В конце 1980-х демонстрировался сериал «Семейные, с детьми» (Married with Children), в «The Cosby Show» изображалась афроамериканская семья высшего среднего класса. Очень популярен

сериал Розэнн (Roseanne) о семье из рабочей среды, в котором более запоминающийся образ жены и матери, чем отца. Весьма серьезные проблемы воспитания детей, сочетания карьеры и семьи и другие поднимались в сериале начала 1990-х гг. «Тридцать с чем-то» (Thirty something) — о жизни тридцатилетних.

Возвращаясь к образу любви, заметим, что ситуационные «домашние» комедии предлагают образ «сильной, нежной привязанности», и в них акцент сделан на развитии характера, вознаграждении добродетели, взаимности чувств. Обычно они изображают семью с детьми или подростками, проделки которых и являются причиной возможных конфликтов с родителями, впрочем успешно разрешаемых. Конечно ситуационные комедии далеко не обязательно отображают реальное положение вещей в институте семьи, и в обществе в целом, скорее, они могут быть расценены как притчи о верных и неверных представлениях и моделях поведения (parables). В известном смысле подобные передачи напоминают проповеди, в которых пропагандируется идея первостепенной важности личного блага по сравнению с общественным, и семья, где доминируют человеческие добродетели, и которая представляет собой самое главное убежище от современных забот и проблем. Вновь и вновь проводится основная мысль: именно посредством семьи американская мечта становится реальностью.[272] Важная идея заключается в том, что достижение этой мечты стало доступным людям, которые оказываются в самых нестандартных жизненных ситуациях. Добрая сила семьи, семейной атмосферы, семейного духа как бы возвышается над проблемами, а вопрос собственно формы семейного устройства отходит на второй план. Подобные передачи преподают уроки морали и проповедуют «правильные» и идеальные социальные и сексуальные взаимоотношения и взаимодействия.[273]

* * *

Итак, установки относительно места и предназначения женщины, так же, как и ряд других ценностных ориентаций, за последние сорок лет прошли путь от жестких предписаний и ограничений, не разрешавших женщине реализовывать себя на общественном поприще дальше обучения в колледже, до уверенности в том, что женщина в состоянии успеть все, если только ей это разрешить, до гораздо более сбалансированного, но все еще неоднозначного восприятия того, что оптимально для самих женщин, их партнеров и детей.

[1] Goode W.J. World Revolution in Family Patterns // Family in Transition. Отв. ред. A.and J. Skolnick, 4th ed., 1983, P.43–52.
[2] Zinn M. B. and D.S. Eitzen. Diversity in American Families. N.Y., 1987. P.25.
[3] Coontz, Op.cit. P.13.
[4] Колониальная Америка, к примеру, знала немало случаев рождения детей вне брака, а 1/3 невест Новой Англии в конце XVIII в. были беременны. (Larkin J. The Reshaping of Everyday Life. 1790–1840. N.Y., 1988. P.51.)
[5] Семья была как бы центром производства и обмена, школой (включая и обучение ремеслам), церковью, исправительным учреждением, институтом социальной помощи. Demos J. A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony. N.Y., 1970. Ее составляющими являлись: патриархальная власть, контроль за земельной собственностью или делом (ремеслом). Труд считался непосредственной обязанностью и гражданским долгом и женщины, и мужчины, они нередко занимались схожей или даже одинаковой работой.
[6] Общественная жизнь под влиянием концепции экспансионизма и неограниченных возможностей превращалась в «арену непредсказуемой и безнравственной конкуренции», а сфера семьи становилась все более частной, ассоциирующейся с чем-то положительным.
[7] Ф.Кансиан утверждает, что начиная с XIX в., сфера любви и семьи, уютного, теплого дома ассоциировалась с «женским началом» и была отделена от «мужской» сферы самоутверждения и работы в жестком внешнем мире. «Сентиментализация семьи и женской заботливости были исторически связаны с возникновением конкурирующего индивидуализма и формального эгалитаризма для мужчин». Cancian F. Love in America, Op.cit. P.44.
[8] Интересно, что процент несемейных американцев был достаточно высоким, как для мужчин, так и для женщин. (Ibid. P.57.)
[9] Несмотря на акцентирование независимости, многие взрослые дети, не создав собственной семьи, продолжали жить с родителями. Отчасти это объяснялось тем, что повышенный интерес к тому, чтобы обустроиться самостоятельно, в викторианском представлении связывался с желанием как можно скорее обрести частную жизнь, что считалось нездоровым явлением. Именно поэтому незамужние тетушки, старательно следящие за сохранением традиций в доме, были весьма распространенным феноменом.
[10] Парадоксально, что День матери, который отмечается в США 8 мая (с 1914 года) изначально задуманный как прославление социально-общественной значимости матерей, вскоре превратился в празднование домашнего уюта.
[11] Degler, Op.cit. P.163.
[12] Впервые термин «брак, основанный на дружбе» (compassionate marriage), появился в нашумевшей книге Д.К. Линдсэй и У. Эванс «Вос-

стание современной молодежи». (Lindsay D.K. & W. Evans. Revolt of the Modern Youth, N.Y., 1935.)

[13] Burgess E. and H.J. Locke. The Family: from Institution to Companionship. N.Y., 1945. P.395.

[14] В то же время домохозяйки были заняты как никогда ранее; с каждым годом росли стандарты чистого и привлекательного дома.

[15] May E.T. Homeward Bound. American Families in the Cold War Era. N.Y.,1988. P.40–43.

[16] Ibid. P.80.

[17] Lasch Ch. Haven in a Heartless World. N.Y., 1978.

[18] «Квинтэссенцией понятия семья является личная (англ. — private), противопоставляемая общественной возможность для индивида проявить свою уязвимость, доверчивость, интимность, желание выполнять некие обязательства перед определенными людьми, чтобы поддерживать с ними продолжительные, спокойные и приятные отношения и чувствовать себя полноценным.» (Tufte V. and B. Myeroff. Changing Images of the Family. New Haven, Yale University Press. 1979. PP. 170–187.)

[19] S. Coontz, E. Kain, M. Zinn.

[20] По его мнению, в 1940–1950-е гг., доминантная ценностная модель американцев заключалась в инструментальной ориентации, то есть первостепенное внимание уделялось практической, утилитарной деятельности индивидуума. (Parsons T. The Social System. N.Y., 1951. P.48.) Это рациональное, целенаправленное поведение во многом представляло собой продукт протестантской этики, так как большинство среднего класса составляли именно протестанты. (Lamy Ph. and J. Levin. Punk and Middle-Class Values: A Content Analysis, .Media, Audience and Social Structure. Отв. ред. Bell-Rokeach S.J. and M. Cantor. CA. 1986. PP.338–349.)

[21] Mintz S. and S. Kellog. Domestic Revolutions: a Social History of American Family Life. N.Y., 1993. P.183.

[22] Mayer M. The Builders. N.Y., 1978. P.132.

[23] Carlson C. Family Questions: Reflecting on the American Social Crisis. N.J., 1988; Murray Ch. Losing Ground: American Social Policy. 1950–1980. N.Y., 1982,

[24] В 1965 г. уже 45% американских матерей работали. (Jones L. Great Expectations. America and the Baby Boom Generation. N.Y., 1991. P.198.) По мнению историка Баритца, к концу 1950-х гг. количество работающих матерей увеличилоь на 400%, и средний возраст работающей женщины равнялся 41 году, причем работали как женщины из рабочего класса, так и из среднего. (Beritz L. The Good Life. N.Y., 1989. P.193)

[25] Hornes M. «Fail» Bright Woman // Psychology Today, Vol.3. No.6. Nov.1969. P.38.

[26] May. Op.cit. P.140.

[27] Правда, мнения ученых относительно того, что же составляло первооснову брака — отношения с мужем или воспитание детей — расходятся.

Так, Кунтц полагает, что, в отличие от викторианской модели, на первый план вышли отношения с мужем, а У.Брайнз придерживается противоположной точки зрения (Breines W. Young, White and Miserable: Growing Up Female in the Fifties. Boston, 1992). На наш взгляд, спецификой того периода стало то, что одно мыслилось как неотделимое от другого.

[28] Coontz, Op.cit. P.62.

[29] Современные авторы отмечают, что в результате подобного разделения сфер и практического исключения мужчин из эмоциональной сферы, женщины обладают гораздо более развитыми навыками понимания жестов, невидимых сигналов, которые посылают им мужчины, тогда как для мужчин сам процесс общения, особенно, экспрессивного, затруднен.

[30] Не останавливаясь подробно на других определениях любви, которые приняты в современной американской социологии и психологии, отметим, что одними из наиболее часто приводимых являются точки зрения психолога А.Маслоу («чувство нежности и внимания, большое удовольствие, счастье, удовлетворение, восторг и даже экстаз»), Л.Рубин («взаимное выражение чувств и мыслей, не из страха перед зависимостью, а из-за желания знать внутреннюю жизнь другого и быть в состоянии разделить свою жизнь» (Rubin L. Intimate Strangers. N.Y., 1983. P.90.), философа Б. Расселла («...нечто гораздо большее, чем сексуальное желание, это принципиальное средство для того, чтобы избежать одиночества, которое «поражает» и мужчин, и женщин в течение значительного периода их жизни» (Цит. по Landers R.K. Are Americans Still in Love with Marriage? // Congressional Qyarterly. March 1990. P.386.)

[31] Rubin Z. Measurement of Romantic Love//Journal of Personal and Social Psychology. No. 6. 1970. PP.265–273.

[32] Kimball G. The 50–50 Marriage. N.Y., 1983. P.59–68.

[33] Redbook. Oct.1958, P.111.

[34] Blood R.O. and D.M. Wolfe. Husbands and Wives: The Dynamics of Married Living. 1960. P. 221.

[35] Ibidem.

[36] Butler. Op.cit. P. 36.

[37] Lagemann J.K. Romance Can Ruin Your Marriage? Cosmopolitan, March, 1954, PP.61–63.

[38] Larson J.H. The Marriage Quiz: College Students' Beliefs in Selected Myths About Marriage. // Family Relations. Jan. 1988. Vol.37–1.

[39] Hill E. College Marriage // Redbook, May 1964. P.52, 106–111.

[40] Scheinfeld A. A Survey of American Marriage // Cosmopolitan. May 1954. PP.9–14.

[41] Цит. по G. Mathews. Just a Housewife: The Rise and Fall of Domesticity in America, N.Y., 1987. P.46.

[42] May E.T. Homeward Bound. American Families in the Cold War Era. N.Y., 1988. P.7.

[43] К примеру, еще одна трактовка понятия «togetherness» (единения), которое впервые было упомянуто в 1954 году в журнале для женщин McCalls, напротив, призывало к тому, чтобы «и мальчики, и девочки ...признавали и уважали способности и функции каждого пола» / Ibid., P.43.

[44] Раздельное обучение существовало в Америке в 1940-е годы, что относилось к среднему и высшему образованию. Впоследствии эта система была признана неэффективной и нездоровой.

[45] Заглядывая вперед, отметим, что всего через десять лет тенденция к «распространению» высшего образования на женскую часть населения США получила новую силу: уже с 1965 по 1986 гг. число женщин, с высшим образованием, увеличилось более, чем вдвое — с 20% до 42% и 1986 г. году впервые в Америке стало больше женщин-профессионалов, чем мужчин, (что не привело, однако, к выравниванию их уровней заработной платы). Statistical Abstract of the United States, Washington 1987 // цит. по CAPO, P.387.

[46] Хотя «бэби-бум» остается американским феноменом, схожие процессы происходили в Канаде, Новой Зеландии, Австралии, то есть в странах с относительно высоким уровнем иммиграции, а также в послевоенной Германии.

[47] May, Op.cit., P.50.

[48] Поскольку общая тенденция была направлена на как можно более эффективную гомогенизацию норм и поведения, мы умышленно не делаем акцент на тех отклонениях и разнообразии, которые в некоторой степени были присущи американскому институту семьи и тогда.

[49] Распространение идей консьюмеризма было в первую очередь предопределено развитием массового производства еще в 1920-е гг., но торжественное шествие» консьюмеризма по Америке началось именно с приобретения американцами в массовом масштабе различных бытовых приспособлений, предметов техники. Настоящий расцвет культуры потребления или консьюмеризма пришелся на конец 1940-х–1960-е гг., когда гедонистический подход к жизни начал рассматриваться как нравственный. Жизнь представлялась полной удовольствий и развлечений, что свидетельствовало «о демократическом изобилии». (May. Op.cit. P. 162.)

[50] Coontz, Op.cit. 172.

[51] Ряд американских исследователей предполагает, что телевидение в силу того, что оно всегда ассоциировалось с домом, изначально ориентировано не столько на индивидуума, сколько именно на семейные группы.

[52] Источник популярности этих передач может быть найден, как заметил католический священник и социолог Э. Грили, в том, что они являются современными вариантами спектаклей о «нравственности эпохи средневековья». Зрителям предлагаются пути разрешения семейных конфликтов через «парадигмы любви». В этих программах присутствуют такие добродетели, как терпение, доверие, чувствительность, честность, щедрость, гибкость и умение прощать.

[53] Семьи рабочего класса преподносились как «матриархатные» в плане распределения власти, что едва ли верно отражало существовавшее положение вещей, но должно было подвергаться осуждению.

[54] Семьи других этнических групп не появлялись на экране вплоть до 1970-х гг. А первый американский семейный телесериал, в котором шла речь о еврейской семье (Molly Goldberg, 1949–1953) не стал известным на всю страну во многом из-за того, что не соответствовал строгому принципу принадлежности к белой англо-саксонской культуре.

[55] Hearth and Home: Images of Women in the Mass Media // Tuchman G., Daniels A.K. and J. Benet / London, 1988. P.10.

[56] Friedan B. The Feminine Mystique. N.Y., 1963. P.26.

[57] Парадоксально, что по трагическому стечению обстоятельств старшая дочь Парсонса, Анна, талантливый ученый — антрополог и психоаналитик, так и не смогла реализовать себя в этой области. Не выдержав давления общественных норм, которые не признавали незамужних женщин, Парсонс покончила с собой.

[58] Примечательно, что в различного рода хипарских общинах женщины-хиппи занимали достаточно приниженное положение и продолжали обслуживать мужчин.

[59] Redbook. Jan.1974. P.42. В своих предыдущих работах Мид защищала функциональное разделение ролей.

[60] Jones. Op.cit. P.198.

[61] Frenzwa H. Feminine Roles in Women's Magazines Fiction, 1940–1970 // Women: Dependent or Independent Variable. Отв. ред. Huger R.K. & F.L. Denmark. N.Y., 1975.

[62] Mintz S. and S. Kellog. Domestic Revolutions: a Social History of American Family Life. N.Y., 1993. P.199.

[63] Американский ученый Л. Баритц выделяет четыре компонента того, что в 1960-е получило название «движение» (movement): переосмысление понятий морали и нравственности, гражданские права, радикализм и проблема отчуждения. Эти составляющие пересекались, будучи направленными против обывательских ценностей и модели успеха, принятых в среднем классе. Beritz L. Op.cit. P.273.

[64] С 1960 по 1979 гг. процент американских женщин в возрасте от 25 до 34 лет, занятых в общественном производстве, вырос с 36% до 64% (Jones, Op.cit. P. 194) Если в 1950 году работало 25% замужних женщин, то в конце 1980-х годов — около 80% (Ibid., P.204.) Этот рост произошел преимущественно за счет представительниц белого среднего класса.

[65] Среди ключевых факторов, объясняющих вовлечение женщин в сферу общественного производства в 1960–1980-е гг., следует назвать следующие: НТР, рост числа рабочих мест «белых воротничков», снижение рождаемости, экономический спад 1970-х гг., женское движение. Рост занятости женщин остается сопряженным с присутствием ряда характерных черт: неполная занятость, более частая смена места работы, чем

среди мужчин, или же уход с нее вообще. Большая часть женщин и по сей день заняты в 20 из 420 профессий, перечисленных Бюро Статистики Труда. Зарплата женщин при полной занятости меньше зарплаты мужчин примерно на 30%.

[66] Heer D.M. and A.Grossbard-Shechtman. The Impact of the Female Marriage Squeeze and the Contraceptive Revolution on Sex Roles and Women's Liberation in the U.S.,1960–1975 // JMF.Feb.1981. Vol.43. No.1. P.49.

[67] CAPO, P.398.

[68] Touch A.K. Sex-Role Orientation: An Analysis of Structural and Attitudinal Predictions//JMF. Vol. 40 N.2. May 1978. PP. 341–354.

[69] Ряд ученых прибегали к метафоре из «Маленького принца», отмечая, что «демографический поросенок» в виде детей «бэби-бума» так и не был полностью «переварен» американским обществом. — Jones, Op.cit. P.4.

[70] На протяжении 1970-х гг. 65–67% респондентов, судя по многочисленным опросам общественного мнения, оценивали свой брак как счастливый или очень счастливый (CAPO, P.63). Сохранилась и высокая степень удовлетворенности семейной жизнью — 75% оценивали ее как высокую или очень высокую на протяжении семидесятых годов. CAPO. P.189.

[71] Интересно, что по данным Дж. Верофф и Ш. Филд (Veroff J. and Sh. Field. Marriage and Work in America, N.Y., 1976.), в то время наибольшую степень удовлетворения браком испытывали люди с высшим образованием. Существенных колебаний в зависимости от возраста этими авторами отмечено не было

[72] Zinn, Eitzen. Op.cit. PP.21.

[73] Примечательно, что в эти годы примерно половина опрошенных соглашались с тем, что секс являлся очень важным моментом для упрочения брака, признавались в том, что они стараются сделать свою супружескую жизнь более романтичной.

[74] Family Circle. August 1973. PP.20–26.

[75] Otto H.A. Guide to Developing Your Potential. N.Y., 1967; Human Potentialities: The Change and the Promise. // Отв. ред. Otto H.A., Op.cit. N.Y., 1968.

[76] Family in Search of a Future // Отв. ред. Otto H.A., Op.cit. 1970.

[77] Alpenfel E.J. Progressive Monogamy: An Alternate Pattern // Отв. ред. Otto H.A., Op.cit., P. 67.

[78] П.Клекак связывает эти процессы с различными общественными движениями 1960-х гг., которые привели к созданию децентрализованного, плюралистического общества, руководствующегося новыми идеалами и идеями, которые позволяют не только представителям элиты WASP, но и средним американцам самовыражаться и самореализовываться. (Clecak P. America's Quest for the Ideal Self N.Y., 1983.)

[79] Yankelovich D. The New Rules. N.Y., 1988.P.21–22, 28.

[80] Он выделял и позитивные черты: стабильность, приятие обществом, возможность быть преданным кому-то, удачная организация жизни и др.

[81] В 1950-е гг. приспособление, адаптация подавались как способ разрешения личных проблем, что было особенно важно для неудовлетворенных жизнью американских домохозяек. В следующем десятилетии психологи Маслоу (ему принадлежит внедрение понятия самореализация (self-actualization), Роджерс, Фромм, наоборот, утверждали, что спонтанные импульсы индивида изначально позитивны, и процесс взросления не означает процесс их подавления. (Mintz and Kellog, Op.cit. P. 206.)

[82] Ibid. P.92.

[83] Anderson. Op.cit. P.91.

[84] Согласно сводному статистическому материалу, приводимому в нашумевшей работе Дж. Бернард «Будущее брака» (Bernard J. The Future of Marriage. N.Y., 1976.)

[85] Morgan M. The Total Woman. N.Y., 1974.

[86] Напомним, что для телевизионных рекламодателей принципиальным стало уже не количество зрителей, а их качественные характеристики, то есть финансовое положение — доходы и расходы семей. Телевидение постепенно дифференцировалось, в авангарде начали появляться программы, обращенные к молодым продвигающимся вверх по социальной лестнице горожанам (yuppie) — первым «взрослым» представителям бэби-бума.

[87] Hearth and Home: Images of Women in the Mass Media. Отв. ред. Tuchman G., K. Daniels and J. Benet. N.Y., 1978.

[88] В своей книге «Великие ожидания» Л.Джонс (Jones L.A. Great Expectations: America and the Baby Boom Generation. N.Y., 1980) в качестве важной черты этого поколения называет высокую ценность подлинности — будь то честность натуры или же естественный состав косметических средств.

[89] Yankelovich, 1981.Op.cit.P.10.

[90] Zinn Eitzen. Op.cit. PP.6.

[91] В 1976 г. в результате опроса, проведенного журналом «Плэйбой», самой популярной характеристикой идеальной возлюбленной среди американских мужчин стал «кто-то, с кем можно быть совершенно открытым и честным». (L.Harris & Associates. The Playboy Report on American Men. L.A., 1979.)

[92] Ibidem. P.250.

[93] Yankelovich D. How Changes in the Economy Are Reshaping American Values. / Values and Public Policy. Отв. ред. Aaron H.J., Mann Th.T. and T.Taylor. Washington, 1993. P.35.

[94] В наиболее общие позитивные ценностные ориентации американцев в 1990-е гг. входят: нравственная цельность и честность, понятие личной свободы, патриотизм, национальная гордость, приверженность демократическому политическому строю, желание помогать окружающим, ориентированность на достижение поставленной цели, стремление к материальному достатку, практичность и желание быть эффективным, любовь к

досугу, нон-конформизм (по крайней мере провозглашенный) и индивидуализм, равенство полов и расовое равенство. Американцы очень ценят процесс познания, трудолюбие, инициативу и честолюбие. Определенные надежды возлагаются и на удачу. Интересно, что при этом хорошие жилищные условия упомянули всего 11%. Последнее связано, вероятно, не с тем, что американцы стали равнодушны к своему дому, а сложной ситуацией на рынке недвижимости. (Dennis E. Vital Speeches of the Day. March 15, 1988 // American Values — Opposing Viewpoints. Отв. ред. Bender D. N.Y., 1989. P.64.)

[95] VSP, PP.30–31.

[96] (The Gallup Report. Jan. 1989. Rep.#280. PP.4–8.)Это особенно характерно для людей старшего возраста, зажиточных американцев: они были довольны, в основном, «хорошим здоровьем» и «личным удовлетворением от собственных достижений» (последнее характерно и для молодых, преуспевающих американцев). Финансы оказались на последнем месте для всех возрастных групп. (Harris L. Op.cit. PP.40–41). Еще в начале 1960-х гг. примерно половина американцев ставила деньги на второе место по значимости после здоровья, десять лет спустя — всего 30% (CAPO. P.9) Но большинству американцев присуще желание больше контролировать свою жизнь, в первую очередь, в финансовом плане.

[97] The American Dream. A National Survey by the Wall Street Journal. N.Y., 1987.

[98] Hochschild J.L. Facing Up to A Dream. Princeton. 1995. P.4.

[99] Ibidem.

[100] Некоторые авторы полагают, что за последние два столетия американцы прошли путь от самоотрицания, свойственного пуританской этике, к идеологии самореализации, от понятия высокого общепринятого жизненного стандарта к идее лучшего качества жизни в понимании индивида, от традиционных к нефиксированным полоролевым моделям, от общепринятого к индивидуализированному пониманию успеха, от традиционной к альтернативной семейной жизни, от веры в то, что общество в состоянии предоставить возможность зарабатывать деньги, до того, чтобы рассчитывать только на себя, от идеологии «жить, чтобы работать» к идеологии «работать, чтобы жить», от обожествления героев к преклонению перед идеями, от большего к меньшему патриотизму, от идеи индустриального роста к идее информационного роста. (The American Dream. A National Survey by the Wall Street Journal. N.Y., 1987. P.96.)

[101] Отсутствие его не дает основания индивиду обязательно считать себя неудачником. При этом на протяжении всего исследуемого периода немало американцев среднего класса хотели бы улучшить свое экономическое положение. Если в 1950-е гг. материальное благополучие достигалось за счет ограничения личной свободы, а 1960-е гг. явились временем провозглашения ее культа и отрицанием благ потребления,

то к 1980–1990-м гг. американцы начали стремиться и к тому, и другому. Правда, начало 1980-х гг., как мы уже отмечали, было ознаменовано некоторым возвращением к материализму. По исследованиям конца 1980-х гг. 93% респондентов назвали походы по магазинам (shopping) как свое любимое времяпрепровождение. Но даже при этом, если 1967 г. 40% сказали, что для них важнее было финансовое благосостояние, чем поиск значимой жизненной философии (80%), то в 1986 г. — процентное соотношение было прямо противоположным. (Working Woman, Dec.1990. P.96).

[102] Wall Street Journal / NBC Poll. Study # 4085. Dec.1997.

[103] CAPO, VSP.

[104] В начале 1990-х, к примеру, большинство американцев воспринимают машину как необходимость, равно как телевизор, стиральную и сушильную машины.

[105] Подобные же настроения были обнаружены А.Кэмпбеллом в его исследованиях качества жизни: наиболее частыми ответами стали «счастливый брак» и «хорошая семейная жизнь» (Campbell A., Converse Ph. and W. Rodgers. The Quality of American Life. N.Y., 1976). Оба опроса были проведены в 1970-е гг., как раз тогда, когда, казалось бы, наблюдался существенный сдвиг в сторону от семейной жизни, и ценность брака, семьи могла бы быть снижена.

[106] Values and Public Policy. Отв. ред. Aaron H.J., Mann Th.T. and T.Taylor. Washington, 1993. PP. 29–35.

[107] The Wall Street Journal / NBC News POLL. Dec.4–8, 1997.

[108] VSP. P.43.

[109] Zinn M.B. and D.S.Eltzen. Diversity in American Families. N.Y., 1987. P.6.

[110] Цит. по The Olympian, 11 Oct., 1989; Time Nov., 20, 1989; Footlick J. What Happened to the Family // Newsweek Special issue, Wint/Spr. 1990. P.18.

[111] В 1950-е гг. около 70% семей соответствовали традиционному образу. Duff C. Demographics: Census Finds Striking Shifts in Families. WSJ. 28.05.98.

[112] BG. Dec.23, 1995.

[113] Marital Status and Living Arrangements. March 1993, Current Population Reports, Series P20–478.

[114] Household and Family Characteristics. Bureau of the Census. March 1993. PP. XIV–XVI.

[115] Напомним, что нуклеаризация семьи означает разъединение трех поколений. Подобная семья отделена от остальных родственных связей и общественной сферы, сфокусирована на продолжении рода и базируется на юридически оформленном, длительном (в идеале пожизненном) гетеросексуальном и моногамном союзе супругов, который подразумевает взаимные чувства любви и дружбы, а также четкое разделение сфер жизнедеятельности и труда.

[116] В 1996 г. семьи составили 70% всех домохозяйств в США (в 1970 — 81.2%), ситуация стабилизировалась с 1990 г. — 70.8%. (Newsweek. May 24, 1993. P.69.) В ближайшие десять лет, судя по предсказаниями различных демографов, ситуация принципиально не изменится. Одиночки составляли 17.1 в 1970, 24.6% — 1990, 25.0% — 1995. Причем из одиноких женщин около половины старше 65 и 44% — вдовы, мужчины, наоборот, — 3/4 в возрасте от 25 до 64. Женатые пары без детей составили 30.3% в 1970 г. и 28.9% в 1995г. Другие типы семей с детьми, включая одиноких родителей, составляли 5.0% в 1970г. и 9.1% в 1995. Еще один тип семей — живущие вместе братья и сестры и пр. выросли с 5.6% в 1970 году до 6.5% в 1990. Несемейные домохозяйства (соседи по комнате, друзья) — составляли всего 1.7% в 1970г. и 5.0% в 1995г. (Schmid R. American Households and Family Make-up Stabilize. Associated Press Report. N.Y., 26.11.1996.)

[117] Если в 1960г. в среднем взрослый индивид проводил 62% своей жизни вместе с супругом/ой и детьми, то через 30 лет это время сократилось до 43% — самый низкий показатель за всю американскую историю. (Mintz S. and S.Kellog. Domestic Revolutions: a Social History of American Family Life. N.Y., 1993. P.240).

[118] Thomas K. The Death of Ethics in America. Dallas. 1988.

[119] The Wall Street Journal/NBC News POLL. Dec.4–8, 1997.

[120] The Newsweek Poll, June 2–3, 1994. Newsweek,1994. June 13, P.31.

[121] Klein J. Whose Values // Newsweek. June 8, 1992. P.19.

[122] Так, крупный семьевед Д.Попно видит ухудшение функционирования семей по всем параметрам, культурную дезинтеграцию в стране вообще. Popenoe D. The Family Condition in America: Cultural Change and Public Policy // Values and Public Policy. Отв. ред. Aaron H.J., Mann Th.T. and T.Taylor. Washington, 1993.

[123] В 1996 г. практически у каждого четвертого американца был сотовый телефон.

[124] Рассмотрение семейных ценностей невозможно без обращения к понятию приватности (privacy) личной и семейной сферы, одного из краеугольных камней американской жизненной философии, которая, начиная с XIX в., неотделимо связана с концепцией индивидуализма. Применительно к семье, приватность означает отделенность, изолированность, отгороженность семьи от общественной сферы. Понятие приватности в американском контексте связано с представлением о самодостаточности семьи, что, в свою очередь, являлось как бы мерилом ее успеха. В последнее время все чаще можно столкнуться с точкой зрения, опровергающей абсолютное значение подобной изолированности на протяжении всей американской истории.

[125] Специфически американский феномен — понятие, изначально обозначало обязательную повышенную чувствительность к правам любого рода меньшинств (этническим, сексуальным и пр.), постепенно стала

означать практически любого рода убеждение или действие, которое считается социально признанным среди более или менее либерально настроенных кругов. Этот термин широко используется и в академических кругах США.

[126] Farney D. GOP Congressman Learns Family Values Exact a Price // WSJ. Nov. 13, 1997.

[127] В 1960-е гг. в круг проблем, связанных с семьей, входили следующие: представители движения защитников окружающей среды предупреждали об опасностях, связанных с перенаселением, феминистки призывали к реформе законодательства об абортах, устройству дневных центров по уходу за детьми, у всех на слуху была проблема «разрыва между поколениями», политики рассуждали на предмет того, вызван ли взлет преступности дезорганизацией семьи. В 1970-е гг. общественный дискурс несколько сместился в сторону тех проблем, которые появились в результате сексуальной революции, роста числа разводов, увеличения числа женщин, занятых в общественном производстве.

[128] The Family: Preserving America's Future. White House Working Group on the Family. Washington, 1986

[129] Self. Dec. 1980. P.71–72.

[130] Coontz S. The Way We Never Were: American Families and the Nostlagia Trap. N.Y., 1992. P.93.

[131] Time. April 8, 1991. P.58.

[132] Coontz, Op.cit. P. 94. В известной степени нуклеарная семья уже играла роль морализирующего, облагораживающего фактора в общественной жизни в Америке XIX века, сдерживая набиравший силу индивидуализм. Причем частная, женская сфера (как антитеза общественной) не была сведена только к семье, свидетельством чего явились различные ассоциации, благотворительные организации, общества по борьбе с употреблением алкоголя, создаваемые женщинами. Существует точка зрения, что подобная идеализация роли семьи в обществе порочна по своей сути, ибо приводит к всплеску ханжеских настроений, к тому, что корни всех социальных проблем пытаются найти в неспособности конкретных индивидов (особенно малоимущих) воплотить в жизнь определенные, правильные семейные ценности.

[133] В этом велика заслуга целого направления ученых и общественных деятелей — Новых демократов (среди них Дж.Уилсон, Д.Блэнкенхорн, Д.Попно, Б.Уайтхед, Дж.Валлерстайн и др.)

[134] Popenoe D. Op. cit.

[135] С. Кунтц, А.Черлин, Ф.Ферстенберг мл., Дж.Стэси.

[136] Families First: Report of the National Commission on America's Urban Families. Washington. 1993. P.1

[137] По данным опроса 1989 году, 95% американцев весьма удовлетворены браком, но при этом 40% из тех же респондентов задумывались о том,

чтобы оставить супруга, а 25% считали вторую половину жизни неудачной. (Marriage Satisfaction. Gallup Poll. Цит. по Семья на пороге.... С.24)

138 Их характеристики включают следующее: открытое, честное и частое общение членов семьи друг с другом; подбадривание друг друга; взаимная поддержка, уважение членами семьи друг друга; обязательства друг перед другом, благодаря чему люди ощущают то, что их ценят, чувствуют себя членами команды; признание друг друга, теплое, с чувством юмора, отношение друг к другу; религиозная ориентация, принадлежность к вере; способность адаптироваться в стрессовой ситуации; четкие правила — гибкие, но ясно очерченные; время, проведенное вместе; общение с друзьями, членами общины (микрорайона, соседями). (Research on Successful Familes, цит. по Families First... P.16)

139 Свидетельством фрагментации семьи является следующее: в 1990 г. 57.5% американских семей с детьми составляли полные семьи, созданные в результате первого брака, 11.3% — семьи, созданные в результате повторного брака, 1.5% — семьи с приемными родителями, 9.5% — разведенные родители, 7.7% — один родитель, никогда не состоявший в браке, 7.6% — одинокий родитель, разъехавшийся с партнером или вдовец/вдова. (U.S. Bureau of the Census. Wash., 1990.)

140 Hochschild A.J. The Time Bind, N.Y., 1996.

141 Ряд авторов, например, неоднократно нами цитировавшаяся С. Кунтц, считают, что изменения в институте семьи и брака последних десятилетий, необратимы, и основная задача общества заключается в том, чтобы научиться жить в новых условиях, справляться с появившимися проблемами, а не приписывать неизбежно негативные последствия тому или иному возникшему явлению. При этом Кунтц предостерегает против абсолютизации значения института семьи — будь то за счет возвращения к традициям 1950-х или благодаря привнесению новых норм — в решении всех социальных вопросов, так как, по ее убеждению, не все современные семейные установки, наиболее распространенные в американском обществе, согласуются с новыми экономическими и политическими реалиями. Кунтц не призывает возрождать традиционную семью (тем более, что гармония, с которой она ассоциировалась, во многом оказывалась мифом), а создавать новые семейные традиции, не погрязнув в ностальгии по прошлому и не держа зла на тех людей, чьи ценности отличны от наиболее распространенных. (Coontz, Op.cit. P.254–255.)

142 Это должно быть достигнуто следующим образом: приданием институту семьи новой мощи (посредством усиления, а не подменой семейных обязательств), укреплением брака (содействие браку в случае беременности супруги, противодействие высокому уровню разводов), улучшением взаимоотношений родителей и детей (уважение к ответственности и авторитету родителей, предоставление возможности родителям

проводить больше времени с детьми), поддержкой семьи общиной. (Families First, P.24) По мнению Д.Попно, необходимы трезвая оценка происшедших перемен с их положительными и отрицательными итогами, акцентирование тех черт традиционной модели семейной жизни, которые могут быть реально интегрированы в современные условия, особое внимание тому факту, что родители ребенка должны жить вместе и нести ответственность за детей и друг друга. Не следует рассматривать вышеуказанные тенденции как завершенные. Неверным было бы считать возникновение каждой предпочтительной модели взаимоотношений и распространение ее в системе ценностных ориентаций однозначно привязанными к определенному временному периоду — ценностные ориентации эволюционируют практически постоянно, подчас возвращаясь, но в несколько измененном виде. Д.Попно основывается на том, что тенденции последних десятилетий явились скорее закономерным продолжением истории института брака и семьи в США, чем новым феноменом. К примеру, средний возраст вступления в брак в 1990-е гг. не выше, чем он был в 1870-е гг., процент индивидов, никогда не вступавших в брак, ниже, чем на рубеже XIX века, равно как и уровень бездетности.

[143] Families First.....P.63

[144] Говоря о критериях здоровой семьи в ее современной трактовке, уместно было бы упомянуть специальную работу Долорес Курран «Черты здоровой семьи» (Currant D. Traits of a Healthy Family. N.Y., 1994), основанную на опросе более пятисот профессионалов, занимающихся вопросами семейных отношений. В результате этого исследования автор пришла к выводу, что здоровая, нормальная семья не должна приравниваться к традиционной. Автор выделяет следующие аспекты, принципиальные для характеристики позитивного образа семьи: полноценное и сбалансированное общение членов семьи, предполагающее уважительное отношение к потребности каждого быть в одиночестве; поддержка и уважение друг друга; чувство доверия; присутствие чувства юмора; ответственность; поддержание определенного нравственного климата, преподнесение уроков морали детям; использование невербальных способов передачи информации входит в понятие качественного общения между членами семьи. Это в особенности имеет отношение к мужчинам, которые традиционно считаются менее способными к выражению своих чувств. Поддержка друг друга в семье не должна означать давление.

[145] Cancian, Op.cit., P.150. P.45.

[146] Families First....P.57.

[147] Даже в 1981 г. 95% студентов нескольких престижных колледжей собирались вступить в брак; первостепенной ценностью для них в будущем явилось «проводить время с супругом/ой», затем следовала карьера и

«время, проведенное с детьми.» (Zuckerman D. Career and Life Goals of Freshmen and Seniors, Radcliffe Quaterly, Sept, 1982, PP.17–18.)

[148] Cancian, Op.cit., P.107.

[149] The American Woman 1987–1988. A Report in Depth. // Отв. ред. S.E.Rix. N.Y., 1987.

[150] Thornton, Op.cit. P.874.

[151] Marital Status and Living Arrangements: March 1993. Bureau of the Census, Wash.,1994.

[152] Ряд социологов предполагают что так как брак сводится к обмену услуг, предлагаемых женщинами, на финансовые возможности мужчин, соответственно, как только женщина начинает зарабатывать деньги — что в последнее время становится все более частым явлением, ценность брака для женщин резко снижается. (Goldscheider F.K. and L.J.Waite. New Families, No Families? Berkeley, 1991. P.3.)

[153] VSP. CAPO, P.144.

[154] Newsweek. May 24. 1993.

[155] Gay Families Come Outl // Newsweek. Nov 4, 1996. PP.51.

[156] Rauch J. What's Wrong with «Marriage Lite» // WSJ, June 2, 1998. P.A22.

[157] Wallerstein J. The Good Marriage: How and Why Love Lasts. 1995.

[158] LA Times Poll. Dec. 12, 1985.

[159] К примеру, формула успешного брака, по мнению юриста, специалиста в области семейных отношений, М.Фишера, сводится к следующему: не переставайте интересоваться жизнью своей половины, оставайтесь интересными сами, узнавайте все время что-то новое, продолжайте ухаживать друг за другом и после брачной церемонии (на это американцы обращают очень много внимания), будьте гибкими и воспринимайте разницу между собой и партнером как некий позитивный вызов вам, как возбуждающий, а не раздражающий фактор. We / Мы. July 12–25. 1993. P.9.

[160] Интересно сравнить два популярных издания с разрывом более десятилетия (1977 г. и 1989 г.), предлагающих рецепты счастливого брака. Первое написано супружеской парой — Дэвидом и Верой Мэйс, которая в течение 20 лет занималась консультационной работой по вопросам семьи и брака и организовала Ассоциацию Супружеских Пар для Совершенствования Брака (The Association of Couples for Marriage Enrichment) — эта программа была рассчитана на относительно здоровые семьи, в которых супруги просто хотели улучшить качество общения. Цели программы задавались с точки зрения обогащения потенциала супружеских отношений, — их развития. Авторы делают акцент на трех следующих принципах: обоюдной преданности идее развития, совершенствования брака; эффективной системе общения и необходимости выработки навыков для ее использования — ведь именно в этой сфере взаимоотношений абсолютное большинство семейных пар испытывают серьезные проблемы; способности позитивно восприни-

мать конфликты и творчески подходить к их разрешению, к чему недостаточно готовит американская культура воспитания. Поскольку это пособие было написано в конце 1970-х гг., неудивительно, что особое внимание уделено тому, как избежать крайностей «высокомерного, снобистского индивидуализма», не жить только ради себя. Помимо перечисленных трех заповедей, пары должны испытывать чувства любви, одобрения, благодарности друг к другу, согласия по вопросам разделения ролей в семье, испытывать сексуальное удовлетворение, разумно управлять деньгами, совместно принимать решения и быть состоятельными в качестве родителей. Супругам рекомендовалось разработать специальный «график» работы над отношениями, подсчитывать очки и не вдаваться в ненужные и опасные откровения. Авторы глубоко убеждены в том, что терапевтические консультационные службы должны заниматься профилактикой семейных конфликтов. (Mace V., Mace D. How to Have a Happy Marraige? Beverly Hills, 1977.) Другая работа написана Б. Эдвардсом на основе интервью с супружескими парами, не менее 10 лет состоящими в браке. Ее главная идея исходит из того, что большинство людей женятся, чтобы быть счастливыми, но очень быстро забывают об этом. Супруги счастливы в том случае, если каждый из них инстинктивно чувствует, когда лучше проявить знак внимания, не ожидая при этом ответного действия. Явный отход от индивидуализма 1970-х проявился в настоятельной рекомендации автора думать о благе другого. Помимо этого нельзя жалеть о выборе партнера. Принципиальным признается качество интимных отношений, в которые необходимо привносить некую таинственность, спонтанность, подавлять эгоизм, а это, в свою очередь, станет дорогой к верности друг другу. И опять же большое значение придается общению, которое призвано помочь преодолеть пропасть между «широко распахнутыми глазами влюбленного» и ощущением опустошенности, которое часто наступает после свадьбы. Эдвардс призывает супругов быть открытыми и ценить дружбу, поскольку она дает возможность почувствовать результат совместной жизни. Ценным для брака является отношение друг к другу как к партнеру: это позволяет активно участвовать в жизни друг друга и предъявлять определенные требования друг другу, что способствует совершенствованию и укреплению отношений. Эдвардс сформулировал парадоксальный совет: воспринимайте супруга в качестве оппонента, противника, которому вы верны и преданны. (Edwards D. How to Have a Happy Marriage? Atlanta, 1989.)

[161] Считается, что подобное внешнее благополучие было характерно для 1950-х гг. и далеко не всегда означало внутреннюю подлинную гармонию.

[162] VSP, P.44.

[163] Ibidem.

[164] LHJ, June 1988, P.56.

[165] Особая роль в «стареющей Америке» отводится пожилым членам семьи, присутствие которых может придавать дому особый колорит, ощущение преемственности и стабильности.

[166] VSP, P. 48

[167] LHJ. Nov. 1990.

[168] В небольшой брошюре, которую могут получить будущие супруги «Хорошее начало: по мосту к супружеской жизни» (Fine Beginning: Crossing the Bridge to Married Life) основной акцент сделан на честном и серьезном отношении к браку, признании взаимных обязательств и осознании того, что восторженный период первых месяцев супружеской жизни не является тождественным ее последующим этапам. Важным считается, чтобы человек спокойно и здраво воспринимал потерю удовольствий холостяцкого образа жизни. Романтическая любовь все больше рассматривается как незрелая форма чувств, отягощенная ревностью, чрезмерной эгоистичностью, стремлением всецело «обладать» партнером, некоей «слепотой». Подобное чувство не может стать стабильной основой для длительных отношений, тем более брака. В отличие от романтической любви (с ней связывается лишь получение удовольствия), зрелая любовь, о которой говорится в брошюре, предполагает возможность создать глубокие отношения с партнером, что, однако, требует определенных жертв. Нельзя воспринимать вступление в брак как способ решить уже имеющиеся проблемы в собственной жизни. Для того, чтобы переход к семейной жизни прошел наиболее удачно, нужна честная самооценка и понимание того, что любые отношения развиваются, и именно в изменениях и постоянном совершенствовании заключен их успех. Достижение истинного единения партнеров возможно лишь путем откровенного, открытого общения друг с другом, умения прощать и просить прощение. Хотя отношения между супругами должны постоянно меняться, это не означает, что каждый из партнеров должен отказаться от своих основных ценностей и убеждений, касающихся религии, детей, работы, секса, распределения ролей в семье и других социально-этических норм. Американцы сами признают, что их культура, с ее стереотипом конкуренции и соперничества в каком-то смысле «не доверяет» чувствам, поскольку это делает индивида уязвимым. Неудивительно, что для восстановления некоего баланса между ориентациями массовой культуры и потребностями живого человека, основное значение придается искреннему общению в семье, при котором партнеры делятся друг с другом своими мыслями, проявляют эмоции и пр.. Общение такого рода составляет одно из основных условий в концепции счастливого брака. Не менее важным является и умение правильно подходить к разрешению конфликтов. Будущим супругам рекомендуется заранее распределить предполагаемый семейный бюджет; установить определенные грани в общении с родителями для достижения независимости и ограничения их влияния.

[169] Тогда как в 1980-е гг. можно было говорить о принципиальных изменениях в отношении церкви (разных деноминаций) к добрачным сексуальным отношениям, выросло число разводов среди протестантов и католиков (Landers R. Op.cit. P.383).
[170] MacManus M. Marriage Savers. N.Y., 1993) /Time. Feb.27.1995/.
[171] Блестящий пример повального увлечения данным процессом мы находим в известном романе Пэта Коннора «Принц приливов» / Connor P. The Prince of Tides. N.Y., 1992.
[172] Gelman D. Fixing the «Between». Newsweek. July 2. 1990. PP.42–43.
[173] Talbot M. Love, American Style // The New Republic. April 14, 1997. PP.30.
[174] Glenn N.D. The Family Values of Americans / Working Paper 2 New York: Council for Families in America, Institute of American Values, 1991.
[175] Time. Fall 1990. P.26.
[176] BG, Dec.26, 1995.
[177] Time. Women: The Road Ahead. 1990.
[178] Talbot M. Love, American Style // The New Republic. April 14, 1997. PP.30.
[179] Ibidem.
[180] F.Furstenberg Jr. and A.Cherlin. What Happens to Children When Parents Part. Harvard, 1991.
[181] Boston Globe. May 29, 1995, P.1.
[182] Ibidem.
[183] Time. Feb. 27.1995. P.53.
[184] Kramer P. Should You Leave? Cambridge, 1997.
[185] По меткому замечанию Г.Рили, автора книги «Развод: американская традиция» (Riley G. Divorce: An American Tradition), заявления на развод отражают истинный американский дух; после того, как страна завоевала независимость, люди начали думать: «Мой муж — тиран. Если США могли избавиться от Георга V, я могут избавиться от мужа» // BG, Dec.26.1995.
[186] Adultery A New Furor Over An Old Sin // Newsweek. Sept. 30, 1996.
[187] People, Aug. 18, 1986.
[188] Dr.Byron, How to Have a Happy Marriage. N.Y.,1989.
[189] Байрон советует супругам не разглашать свои секреты. По его мнению, меньше всего мучают подозрения женатых мужчин, и он делает вывод, что, по-видимому, эта категория населения, более склонна к изменам. Он отмечает и то, что у тех женщин, которые изменяют своим партнерам, численно бывает меньше связей, чем у мужчин, ведущих подобный образ жизни. Религиозная принадлежность не представляет собой тот критерий, по которому можно было бы судить о большей или меньшей склонности человека к измене. По нашим впечатлениям, напротив, религиозность почти всегда свидетельствует о более строгих установках в плане моногамности.
[190] Изредка и в 1990-е гг. можно встретить точку зрения, близкую цитировавшемуся нами Г.Отто и заключающуюся в том, что аргументы в поль-

зу моногамии были сказаны давным давно. Одно то, что женские журналы периодически публикуют статьи и даже личные воспоминания «сердцееда», одаривающего своим вниманием исключительно замужних женщин, как бы признает наличие проблемы супружеской неверности. (New Woman. Jan.1995. P.78.)

[191] В.Пэкэрд в своей статье «Сексуальная дикость» в популярном журнале McCalls (1969) писала, что необходимо предпринять все попытки, чтобы удалить из жизненного кредо молодых американцев идею о том, что принцип верности в отношениях больше просто не работает. В популярных изданиях приводились горькие размышления жен на предмет того, что «женщины интересны только другим мужчинам, но не мужьям», или же саркастические замечания по поводу того, что «если мы сами считаем своих мужей неотразимыми, то точно также думают и другие женщины». (McCalls, May. 1969. P.141.)

[192] Tucker W. Monogamy and Its Discontents. National Review. Oct. 4, 1993. PP.28.

[193] CAPO, P.327.

[194] Greely A. Faithful Attraction.// Good Housekeeping, June. 1990, PP.132–137.

[195] USNWR. Oct. 17. Dateline, NBC, Feb. 7, 1995. 1994. P.77.

[196] Dateline. NBC. Feb. 7. 1995.

[197] По результатам другого исследования, 15% жен утверждали, что изменяли мужу, 24.5% мужей — женам среди возрастной категории около 50 — 37% мужчин и 12.4% женщин, соответственно. (Ibidem. Dateline, NBC, Feb. 7, 1995)

[198] NORC. Chicago, 1996. P.111.

[199] Fleming A. 6 Myths about Extramarital Affairs // Readers' Digest, Oct.'1982, PP.63–67.

[200] Courier Journal. March 19, 1986. CAPO, P.327. Как мы уже писали, в 1990-е годы подобное «вольное» поведение по меньшей мере проблематично: из-за большого внимания к проблеме преследования на сексуальной почве, даже невинный знак внимания может послужить причиной судебного разбирательства.

[201] C.Hymowitz & E.J.Pollock. Corporate Affairs: The One Clear Lime to Interoffice Romance Has Become Blurred // WSJ. Feb.4, 1998.

[202] Америка — словно эпидемией охвачена супружеской верностью, заявил известный священнослужитель, социолог и литератор Э. Грили, комментируя весьма обнадеживающие результаты опроса Гэллапа, которые свидетельствовали о том, что лишь 10% не исключает для себя супружеской неверности, 91% повторили бы выбор брачного партнера, 68% пишут друг другу любовные послания и записки. Правда опрос был проведен по телефону. // Правда. 16.01.91.

[203] Adultery A New Furor Over An Old Sin // Newsweek. Sept. 30, 1996.

[204] Ibidem.

[205] Kronholtz J. Is Honesty the Best Policy in Dealing with Affairs // WSJ. Feb.2, 1998.

[206] Так, максимальное число женщин, которые отмечали больше уважения к себе, чем за 10 лет до момента опроса, было зафиксировано в 1985 г. (VSP, P.16.)

[207] Еще одним ярким примером изменившегося статуса женщин и отношения к ним конце 1980-х — начале 1990х годов явились первые факты уплаты алиментов (амер. alimony — сумма, выплачиваемая супруге после расторжения брака примерно в 15% случаев разводов, в отличие от child support — денег на содержание ребенка, то есть алиментов в российском понимании). Пока подобные ситуации имели место лишь среди голливудских звезд, но все же они весьма симптоматичны. (We/Мы. 1993. Sept.20–Oct.3. Vol.II. No.19. P.14)

[208] CAPO. P.53.

[209] Sheehy, Op.cit. P.294.

[210] Ehrenreich B. Sorry, Sisters, this is not the Revolution // Time. Fall. 1990. P.15.

[211] Ebeling V. The Failure of Feminism // Newsweek, Nov,19, 1990, P.9.

[212] Эта идея, предложенная Нэнси Чодоров в ее книге «Воспроизводство материнства» (Chodorow N. The Reproduction of Mothering. Berkeley, 1991), сводится к тому, что в детстве девочки определяют себя через связь с матерью — основным объектом любви всех детей, поэтому они вырастают способными к эмпатии, ориентированными на человеческие отношения, не склонными к поддержанию иерархии в обществе, стремящимися к согласию. Сыновья же, готовые отделить себя от матери и подталкиваемые к этому шагу обществом, развивают в себе такие черты как индивидуализм, способность к конкуренции, равнодушие к проблемам окружающих, сконцентрированные на абстрактных общественных правилах и правах индивида. К. Гиллиган в своей работе «Другим голосом» (Gilligan K. In a Different Voice. N.Y., 1992.) продолжает идею Чодоров, считая, что женщины принимают нравственные решения, исходя из «этики заботы», мужчины исходят из «этики прав». Д. Танненн в ее нашумевшей книге «Мужчина и женщина во время беседы: ты просто не понимаешь» (Tannen D. Women, Men in Conversation: «You Just Don't Understand». N.Y., 1988.), выдвигает тезис о том, что мужчины и женщины воспитываются в различном культурном контексте — девочки, привыкая к кооперации, мальчики — к конкуренции.

[213] Кстати, вновь становятся несколько более распространенными факты раздельного обучения юношей и девушек, причем на уровне колледжей. Отчасти это объясняется тем, что в американских школах до сих пор наблюдаются факты дискриминации по половому признаку (мальчиков чаще вызывают учителя, больше хвалят, в то время как девочки получают поощрительные замечания относительно внешнего вида домашнего задания, а не его содержания), и раздельное обучение — один

из способов искать альтернативный выход (Newsweek. April 25, 1994. P.35.)

[214] В 1990 г. впервые за более, чем 30-летний период занятость женщин снизилась на 0,5% по сравнению с предыдущим 1990 г. (кстати, в то же время с 1985 г. наблюдается прирост рождаемости — Ibidem).

[215] VSP, P.15.

[216] Хотя в 1982 г. 79% женщин в качестве идеального образа жизни выбрали семью и детей, 40% из них хотели быть полностью занятыми на работе.(VSP 1985, цит. по CAPO, P.397.) По результатам одного из опросов начала 1980-х годов, 82% женщин думали, что можно успешно сочетать карьеру и воспитание детей. (Aneswensel C.S., Rosin C. Domestic Roles and Sex Diffferences in Occupational Expectations // JMF. 1980. Feb. Vol.42. No.1. P.121.)

[217] Quindlen A. The 80's // Woman's Day. 1987. Oct.27. P.15.

[218] Jackson M. Dual-career Couples Want the Flexibility to Support Each Other // AP Report.April 25, 1997.

[219] Values and Public Policy. Отв. ред. Aaron H.J., Mann Th.T. and T.Taylor. Washington, 1993. P. 35.

[220] Пример преданности своей профессии: До 28 недели беременности женщины в армии работают наравне со всеми (только на одной базе в год регистрируется до 160 случаев рождения), затем для них существует специальная программа.

[221] И все же всего 35% женщин, занимающих исполнительные должности (executives), имеют детей к 40 годам, в сравнении с 90% мужчин. (F.N.Schwartz. Management Women and the New Facts of Life. Harvard Business Review. January-Februay 1989. PP.65–76.)

[222] Barris B.H. Employed Mothers: The Impact of Class and Marital Status on the Prioritizing of Family and Work // Social Science Quarterly. Vol.72. No.1. March 1991. PP.52–65.

[223] Однако и американки из самых бедных групп населения, не закончившие даже старшие классы школы, также выбирают этот путь — но уже с большей вероятностью строго экономических мотивов. Так заявили о своем жизненном выборе 43% респонденток по результатам опроса Гэллапа 1987г. (увеличение на 11% с 1975 г.). 7% опрошенных не хотели бы иметь детей, состоя при этом в браке, и 4% из них предпочли бы не работать. Еще 9% американок для себя отвергают и замужество, и материнство. The Gallup Poll, 1987, P.323. В 1995 г. 68% сказали, что в основном работают по экономическим соображениям, в 1989г. — 56%. В 1989 33% работали ради работы, 1995 — 22%. // Parents. May. 1996. P.39.

[224] Даже в том случае, если платой за это оказывается стресс от перенапряжения. По результатам одного из опросов, 50% американок признались, что они работают по финансовым соображениям, и половина из

них заявили, что продолжали бы работать даже в том случае, если бы экономической необходимости не было. (NYT. Sept. 2. 1992. P.B–T.)

[225] В середине 1980-х 83% американцами. (General Social Survey 1972–1985, Chicago, National Opinion Research Center, цит. по CAPO, P.394), тогда как в 1970 г. противники этой точки зрения составляли 64% американской общественности. В 1985 г. 83% мужчин в возрасте старше 30 лет одобрили занятость в общественной сфере женщин даже в том случае, если их муж в состоянии их содержать, вместе с этим всего 42% не согласились с утверждением, что «для всех лучше, если мужчина является добытчиком, а женщина занимается домом» (Goldscheider F.K. and L.J.Waite. New Families, No Families? Berkeley, 1991).

[226] The Gallup Poll, 1985, P.236. Другое свидетельство низкой ценности подобного выбора: лишь 1% опрошенных детей (от 9 до 15) в одном из графств Массачусетс, избрали бы подобный путь homemaker. (The Newton TAB. Dec. 26. 1995.) Зажиточные пригороды часто бывают опустевшими днем — матери работают, а дети посещают «группы продленного дня».

[227] Kimball, Op.cit P.176.

[228] LHJ. 1988. March. P.70.

[229] По результатам исследования Блюмстейн и Шварца, к 1980-м гг. около 1/3 американских супругов считали, что и муж, и жена должны работать. Противоположной точки зрения придерживались 60% жен и 64% мужей. (Blumstein, Scwartz, Op.cit., P.118.)

[230] Последнее в начале 1980-х, (то есть тогда, когда занятость женщин всячески превозносилась), нашли приемлемым 1/4 опрошенных женщин и 34% опрошенных мужчин. Ibid, P.129.

[231] Bloom D. Women and Work // American Demographics. Sept. 1986.

[232] Кстати, как показывают исследования, социальная активность женщин, их задействованность в делах общины (community) не страдает от того, что они работают. (Kingston P.W. & S.L.Nock. Couples' Joint Work Status and Community and Social Attachments. // Social Science Quarterly. Vol.73. No.4. Dec. 1992. PP.863–872.)

[233] При этом 4/5 мужчин и женщин, опрошенных для журнала Тайм, считают, что балансировать между семьей и карьерой очень сложно, и что основное бремя лежит в каждодневной жизни на женщинах. Именно поэтому женщинам хотелось бы видеть изменение условий, которые позволили бы, с одной стороны, реализовать себя как жену и мать (51% поставили долгий и счастливый брак и удачных детей впереди успешной карьеры — 29% сделали наоборот), но не сводить воплощение своего потенциала лишь к домашней сфере. Тем более, что 86% молодых американцев, согласно этому же исследованию, хотят, чтобы их жена была честолюбива и трудолюбива, 48% заинтересованы в том, чтобы она занималась детьми. В качестве перечисленных ими возможных вариантов были: найм на договорной основе с тем, чтобы работать

дома, прерывание карьеры в связи с рождением ребенка; заключение раннего брака с тем, чтобы работать. (Women. The Road Ahead. Time. Special Issue. Fall. 1990. P.13.)

[234] Более всего современных американок устраивают дети (66%), их роль в качестве матери (59%), друзья (59%), отношения с партнером или мужем (56%). Примерно половину опрошенных удовлетворяет их сексуальная жизнь. Менее позитивные оценки пришлись на такие аспекты как образование, работодатель, образ себя, работа и, наконец, доход.(VSP, P.54.) В 1990-е гг. гораздо больше женщин возмущаются тем, что «в мужских журналах помещают фотографии обнаженных женщин» (что понятно в контексте общих требований «новой нравственности», а также активной кампании против преследования на сексуальной почве), что «существуют шутки о свекровях, тещах и глупых блондинках, а также женщинах, которые водят автомобиль». Это действительно странно для Америки, где с трудом можно найти женщину, которая не умела бы водить машину. Самый яркий пример дестереотипизации женщин — попытка изменить облик куклы Барби, сделав ее более реалистичной.

[235] Ibidem.

[236] Почти во все прошлые исторические периоды в семьях среднего класса, кроме, пожалуй, колониальной эпохи, при всей взаимообусловленности жизни супругов их положение отличалось качественно иной отдаленностью друг от друга и структурированностью сфер, чем сегодня.

[237] По данным журнала Редбук, 31% семейных пар ругаются по поводу денег, детей — 13%, родителей друг друга — 2%, а около трети американских женщин в возрасте от 18 до 64 лет считают, что финансовый вопрос имеет большее значение для брака, чем хорошие сексуальные отношения. (Lifetime Women's Pulse Poll. // Redbook Nov. 1994. P.58.)

[238] Merit Report, June 1983, цит по CAPO, P.401.

[239] Интересным исследованием семей с примерно равным распределением домашних обязанностей является работа Г.Кимболл, основанная на 150 интервью с семьями высшего среднего класса, репрезентативных для всей территории США, около половины из которых — люди 30 — 40 лет, а 15% состоят в повторном браке. Она пишет, что американцы, избравшие для себя подобную схему отношений, отличаются либеральными взглядами вообще. Приоритет в ценностях отдается семье. Супруги воспринимают друг друга как друзей, советуются друг с другом, стараются проводить много времени в общении, которое очень высоко ценится. Решение возникающих проблем может осуществляться при помощи семейных консультантов и терапевтов, друзей, чтении специальной литературы. Если подобный брак — повторный, то для некоторых этот брак означает качественно новую ступень по сравнению с первым, другие уже начинают семейную жизнь, исходя из эгалитарных установок. (Kimball G. The 50–50 Marriage, Boston, 1983.)

[240] В середине 1970-х годов американские дети в среднем проводили всего около 12 минут в день с отцами. (Kimball, Op.cit., P.114).

[241] Goldscheider, Waite, Op.cit. P,12.
[242] Catalyst Career & Family Bulletin, No.3, Fall'81, P.8.
[243] Public Opinion Quatertly, Vol.53:265–276.1997.
[244] VSP, P.83.
[245] Catalyst...
[246] Также считается, что семьи, в которых работают оба супруга, как правило, тратят больше средств на помощь по дому, рестораны и кафетерии, чем на развлечения дома.
[247] В начале 1980-х гг. большинство пар, в которых оба супруга делали карьеру, признавали одинаковую важность работы для жены и мужа, но на практике руководствовались более традиционными представлениями о распределении обязанностей. (Catalyst Career & Family Bulletin. No.3. Fall'81. P.8.) Тогда 90% работающих американцев и американок согласились с тем, что ответственность за воспитание детей должна быть возложена на обоих супругов, но всего 36% могли отметить это на практике. Families At Work. American Families Report 1980–1981, A Louis Harris Poll for General Mills, Minn., 1981. P.26.
[248] По другим данным 84% согласны с тем, что в воспитании детей должны принимать более или менее равное участие оба супруга; всего 38% занимают ту же позицию применительно к ведению домашнего хозяйства, а 30% считают это однозначной обязанностью жены. 69% согласны с тем, что управление финансами должно производиться совместно, но всего 24% ответили так же на вопрос относительно зарабатывания денег и обеспечения семьи. (Hiller D.V. & W.W.Philliber. The Division of Labor in Contemporary Marriage: Experience, Perceptions & Performance, Social Poblems, vol.33, No.3, Feb.1986, PP.191–201)
[249] Merit Report, June 1983, цит. по CAPO, P.399.
[250] Kimball, Op. cit. P.179.
[251] Pleck J.H., Lamb M.T. & J.A.Levine. Epilog: Facilitating Future Changes // Men's Family Roles... P.11.
[252] Families At Work. American Families Report 1980–1981, A Louis Harris Poll for General Mills, Minn., 1981, P.26.
[253] VSP 1985, цит. по CAPO, P.399.
[254] Men's Changing Roles in the Family // Marriage and Family Review Vol.9 No.3/4.Winter 1985/1986.
[255] Hiller D.V. & W.W.Philliber. The Division of Labor in Contemporary Marriage: Experience, Perceptions & Performance, Social Poblems, vol.33, No.3, Feb.1986, PP.191–201.
[256] Pleck J.H. Husbands Paid Work and Family Roles: Current Research Issues. Отв. ред. Lopata H.Z. & J.H.Pleck. Research in the Interweave of Social Roles, Vol 3. JAI Press. 1983.
[257] Parents. Dec.1995. P. 120.
[258] Отцы проводят больше времени с детьми и дома: женщины на полчаса меньше занимаются домашним хозяйством, а мужчины — на час боль-

ше. Work and Family Life. A Monthly Newsletter. Dow Jones & Company, Inc. June 1998, Vol.12. No.6.

[259] Robinson J. & J.Spitze. Whistle While You Work? The Effect of Household Task Performance on Women's and Men's Well-Being. // Social Science Quarterly. Vol. 73. No.4. Dec.1992. PP.845–859.

[260] Так, оказание помощи жене может отрицательно влиять на карьеру мужа, перспективы его продвижения, доходы, вызвать чувство неудовлетворенности домашней рутиной и социальной изоляцией и, соответственно, быть в противоречии с прежними установками человека. Женщины могут также неоднозначно воспринимать помощь и участие мужчин: некоторые боятся потерять контроль над привычной для них сферой.

[261] Hochschild A. The Time Bind. N.Y., 1997.

[262] Jackson M. Dual-career Couples Want the Flexibility to Support Each Other // AP Report. April, 1998.

[263] Wall Street Journal/NBC Poll. Study # 4085. Dec.1997.

[264] Boston Globe. Apr. 6, 1995. P. 5.

[265] Когда телевизионные программы могли вызывать самые живые дискуссии за обеденным столом, или когда члены семьи вынуждены были учиться компромиссам, переключая каналы.

[266] Swidler A., Rapp A. and Y.Soysal. Format and Formula in Prime-Time TV. // Media, Audience and Social Structure. Отв. ред. Sandra J. Ball Rokeach and Muriel Cantor, Sage, 1986.

[267] NYT June 21. 1995 P.22.

[268] Press A.L. Women Watching Television: Gender, Class and Generation in the American Television Experience. Philadelphia, 1991. P.46.

[269] Ibid. P.48.

[270] White E. TV's Diva of Domesticity of the Clueless//WSJ, Aug.20, 1998.

[271] По словам исполнительного продюсера передачи «Семейные узы» (Family Ties) Г.Д.Голдберга, «основные ценности, которые представляет наше шоу, — семьи — хорошие, семьи — сильные, они могут сводить вас с ума, но когда происходит нечто, они оказываются лучшим из того, что у нас есть». (Katter J.M. Television as a Value Setter: Family, TV Guide, July 23, 1988.)

[272] Cantor, Op.cit., p.21.

[273] К примеру одна из известных 30-минутных комедий «Блоссом» четко нацелена на то, чтобы внедрить определенные модели поведения подростков; иногда уже по окончании программы главная героиня суммирует основные мысли, например — «научись прощать ошибки своему отцу», «сообщай в полицию немедленно о любом случае преследования на сексуальной почве».